Г. К. ЖУКОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Читателю будет интересно ознакомиться с документами, освещающими некоторые неизвестные страницы жизни и деятельности прославленного полководца Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Эти документы охватывают двадцатилетний период. Отдельные материалы сенсационны, в частности записка министра безопасности В. Абакумова И. В. Сталину о негласном обыске на квартире Г. К. Жукова. Создается впечатление, что кто-то оказал Г. К. Жукову медвежью услугу с трофейными ценностями. Более того, возникает чувство, что против Г. К. Жукова осуществлялась грандиозная провокация с целью его полной дискредитации. Мы надеемся в будущем получить соответствующие доказательства этого. Но не могут не вызвать отвращения методы следовавших за Г. К. Жуковым и искавших любую возможность его скомпрометировать спецслужб.

Редакционный совет журнала взял на себя ответственность за публикацию документов о Г. К. Жукове, ведь рано или поздно они станут известны широкому читателю.

копия

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

экз. №

«   » апреля 1946 г.

№______________

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу СТАЛИНУ

При этом представляю заявление на Ваше имя арестованного бывшего главнокомандующего ВВС — главного маршала авиации НОВИКОВА А. А.

АБАКУМОВ.

Отпечатано 3 экз.

1 — т. Сталину
2 — Секр. Гл. Упр. «СМЕРШ»
3 —

исполнитель АБАКУМОВ
печатала Никитина

МИНИСТРУ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР
И. В. СТАЛИНУ

от бывшего главнокомандующего ВВС,
ныне арестованного НОВИКОВА

Заявление

Я лично перед Вами виновен в преступлениях, которые совершались в Военно-Воздушных Силах, больше чем кто-либо другой.

Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я как командующий Военно-Воздушных Сил, должен был обо всем этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП.

Я скрывал также от Вас безделие и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого проходимца, как ЖАРОВ, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Все это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приемом на вооружение ВВС бракованной авиационной техники. Мне стыдно говорить, но я также чересчур много занимался приобретением различного имущества с фронта и устройством своего личного благополучия. У меня вскружилась голова, я возомнил себя большим человеком, считал, что я известен не только в СССР, но и за его пределами и договорился до того, что в разговоре со своей бывшей женой ВЕЛЕДЕЕВОЙ, желая себя показать крупной личностью, заявлял, что меня знают ЧЕРЧИЛЛЬ, ЦИЕН и другие.

Только теперь, находясь в тюрьме, я опомнился и призадумался над тем, что я натворил.

Вместо того, чтобы с благодарностью отнестись к Верховному Главнокомандующему, который для меня за время войны сделал все, чтобы я хорошо и достойно работал, который буквально тянул меня за уши,— я вместо этого поступил как подлец, всячески ворчал, проявлял недовольство, а своим близким даже высказывал вражеские выпады против Министра Вооруженных Сил.

Настоящим заявлением я хочу Вам честно и до конца рассказать, что кроме нанесенного мною большого вреда в бытность

мою командующим ВВС, о чем я уже дал показания, я также виновен в еще более важных преступлениях.

Я счел теперь необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с *Жуковым*, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени.

Хотя я теперь арестован и не мое дело давать какие-либо советы в чем и как поступить, но все же, обращаясь к Вам, я хочу рассказать о своих связях с *Жуковым* потому, что мне кажется пора положить конец такому вредному поведению *Жукова*, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям.

За время войны, бывая на фронтах вместе с *Жуковым*, между нами установились близкие отношения, которые продолжались до дня моего ареста.

Касаясь *Жукова*, я прежде всего хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная *Жукова*, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет.

Вместо того, чтобы мы, как высшие командиры сплачивали командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, *Жуков* ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является «добрым дядей». Таким человеком у *Жукова* был и я, а также *Серов*.

Жуков был ко мне очень хорошо расположен и я в свою очередь угодничал перед ним.

Жуков очень любит знать все новости, что делается в верхах, и по его просьбе, когда *Жуков* находился на фронте, я по мере того, что мне удавалось узнать — снабжал его соответствующей информацией о том, что *делалось в Ставке*. В этой подлости перед Вами я признаю свою тяжелую вину.

Так, были случаи, когда после *посещения Ставки* я рассказывал *Жукову* о *настроениях Сталина*, когда и за что *Сталин ругал меня и других*, какие я слышал там разговоры и т. д.

Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования и в то же время *Жуков* не стесняясь выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им.

Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, *Жуков* заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге

разработаны по его идее и им *Жуковым* подготовлены и проведены. То же самое говорил мне *Жуков* по разгрому немцев под Москвой.

Как-то в феврале 1946 года, находясь у *Жукова* в кабинете или на даче, точно не помню, *Жуков* рассказал мне, что ему в Берлин звонил *Сталин* и спрашивал какое бы он хотел получить назначение. На это, по словам *Жукова*, он, якобы ответил, что хочет пойти *Главнокомандующим Сухопутными Силами*.

Это свое мнение *Жуков* мне мотивировал, как я его понял, не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности он, по существу, будет руководить почти всем *Наркоматом Обороны*, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность. Все, как сказал *Жуков*, будут знать обо мне.

Если же, говорил *Жуков*, пойти *заместителем Министра Вооруженных Сил по общим вопросам*, то придется отвечать за все, а авторитета в войсках будет меньше.

Тогда же *Жуков* мне еще рассказывал о том, что в разговоре по «ВЧ» в связи с реорганизацией *Наркомата Обороны*, *Сталин* спрашивал его, кого и на какие должности он считает лучше назначить.

Жуков, как он мне об этом говорил, высказал *Сталину* свои соображения и он с ними согласился, но тем не менее, якобы сказал: «Я подожду Вашего *приезда в Москву* и тогда вопрос о *назначениях решим вместе*».

Я этот разговор привожу потому, что, рассказывая мне об этом, *Жуков* дал понять, что как он предлагал *Сталину*, так *Сталин* и сделал.

Ко всему этому надо еще сказать, что *Жуков* хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно.

Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: *Жуков* на глазах всячески приближает *Василия Сталина*, якобы, по-отечески относится к нему и заботится.

Но дело обстоит иначе. Когда недавно уже перед моим арестом я был у *Жукова* в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, *Василий Сталин* будет *инспектором ВВС*, я выразил при этом свое неудовлетворение таким назначением и всячески оскорблял *Василия*. Тут же *Жуков* в беседе со мной один на один высказался по адресу *Василия Сталина* еще резче, чем я и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления.

В начале 1943 года я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливалась операция по ликвидации так называемого «Демянского котла» и встречался там с *Жуковым*.

Как-то во время обеда я спросил *Жукова*, кому я должен писать донесения о боевых действиях авиации. *Жуков* ответил, что нужно писать на имя *Сталина* и тогда же рассказал мне, что

перед выездом из Москвы он, якобы, поссорился с *Верховным Главнокомандующим* из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил *Жуков*, решил не звонить ему, несмотря на то, что обязан делать это. Если, говорил *Жуков*, *Сталин* позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему.

Рассказывал этот факт мне *Жуков* в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлен, как можно так говорить о *Сталине*.

В моем присутствии *Жуков* критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства. В беседах на эти темы я, в ряде случаев, поддерживал *Жукова*.

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС, я, будучи в кабинете у *Жукова* высказал ему свои обиды, что *Сталин* неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС.

Жуков поддержал мои высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить».

Больше того, *Жуков* мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято *Сталиным*». Хотя *Жуков* прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС.

Должен также заявить, что когда *Сталин* вызвал меня и объявил, что снимает с должности командующего ВВС и крепко поругал меня за серьезные недочеты в работе, я в душе возмутился поведением *Маленкова*, который при этом разговоре присутствовал, но ничего не сказал, в то время, как *Маленкову* было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с *Жуковым*, то он ответил мне, что «теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали».

Я хоть усмехнулся, говорил мне *Жуков*, когда *Сталин* делал тебе замечания по работе и сказал два слова — «ничего исправится».

Припоминаю и другие факты недовольства *Жукова* решениями правительства.

После окончания Корсуньско-Шевченковской операции командующий бывшим 2-м Украинским фронтом КОНЕВ получил звание маршала.

Этим решением правительства *Жуков* был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — *Жуковым*, а награды и звания за нее даются другим людям.

Тогда же *Жуков* отрицательно отзывался о ВАТУТИНЕ. Он говорил, что ВАТУТИН неспособный человек, как командующий

войсками, что он штабист и если бы не он *Жуков*, то ВАТУТИН не провел бы ни одной операции.

В связи с этим *Жуков* высказывал мне обиды, что он, *являясь представителем Ставки*, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами. Для подтверждения этого *Жуков* сослался на то, что приказы за проведение тех или иных операций адресуются командующим фронтов, а он — *Жуков* остается в тени несмотря на то, что операции проводились и разрабатывались им. Во время этой беседы *Жуков* дал мне понять, чтобы я по приезде в Москву, где следует, замолвил об этом словечко.

В тот же период времени *Жуков* в ряде бесед со мной говорил и о том, что правительство его не награждает за разработку и проведение операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге.

Жуков заявил, что несмотря на блестящий успех этих операций его до сих пор не наградили в то время, как командующие фронтов получили уже по нескольку наград. В этой связи *Жуков* высказался, что лучше пойти командующим фронтом нежели быть *представителем Ставки*.

Жуков везде стремился протаскивать свое мнение. Когда то или иное предложение *Жукова* в правительстве не проходило, он всегда в таких случаях очень обижался.

Как-то в 1944 году, находясь вместе с *Жуковым* на 1-м Украинском фронте, он рассказал мне о том, что в 1943 году он и *Конев* докладывали *Сталину* план какой-то операции, с которым *Сталин* не согласился. *Жуков*, по его словам, настоятельно пытался доказать *Сталину* правильность этого плана, но *Сталин*, дав соответствующее указание, предложил план переделать. Этим *Жуков* был очень недоволен, обижался на *Сталина* и говорил, что такое отношение к нему очень ему не нравится.

Наряду с этим *Жуков* высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности. *Жуков* говорил, что это решение является неправильным, что, присвоив звание генералов наркомам и их заместителям, правительство само обесценивает генеральские звания. Этот разговор происходил между нами в конце 1944 года, когда я и *Жуков* находились на 1-м Белорусском фронте.

Осенью 1944 года под Варшавой *Жуков* также рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед *Сталиным* о том, чтобы КУЛИКА наградили орденом Суворова, но *Сталин* не согласился с этим, то он — *Жуков* стал просить о возвращении КУЛИКУ орденов, которых он был лишен по суду, с чем *Сталин* также не согласился. И в этом случае *Жуков* высказал мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что *Сталин* неправильно поступил, не согласившись с его мнением.

Хочу также сказать Вам и о том, что еще в более близкой

связи с *Жуковым*, чем я, находится *Серов*, который также угодничает, преклоняется и лебезит перед ним. Их близость тянется еще по совместной работе в Киеве. Обычно они бывали вместе, а также посещали друг друга.

На какой почве установилась между ними такая близость, *Жуков* мне не говорил, но мне кажется, что *Жукову* выгодно иметь у себя такого человека, как *Серов*, который занимает большое положение в *Министерстве Внутренних Дел*.

Я тоже находился в дружеских отношениях с *Серовым* и мы навещали друг друга.

Когда я был снят *Сталиным* с должности командующего ВВС, *Серов* говорил мне о том, чтобы я пошел к *Маленкову* и просил у него защиты.

Во время моего пребывания в Германии *Серов* содействовал мне в приобретении вещей.

Касаясь своих преступлений, я вынужден признать, что после отстранения меня от работы в ВВС, я был очень обижен и высказывал в кругу своих близких несогласие с таким решением *Сталина*, хотя внешне при людях я лукавил душой и говорил, что со мной поступили правильно, что я это заслужил.

Так, вскоре после состоявшегося обо мне решения, я в беседе со своей женой и ее братом Владимиром говорил, что причина моего снятия заключается не в плохой моей работе, а в том, что на меня наговорили. При этом я всячески поносил и клеветал на *Верховного Главнокомандующего* и его семью. Я также заявлял, что *Сталин* несправедливо отнесся ко мне.

Когда мне стало известно об аресте ШАХУРИНА, РЕПИНА и других я был возмущен этим и заявлял в кругу своих родственников, что поскольку аресты этих лиц произведены с ведома *Сталина*, то просить защиты не у кого.

Вражеские разговоры я в апреле 1946 года вел со своей бывшей женой ВЕЛЕДЕЕВОЙ М. М., которая проездом останавливалась в Москве.

В беседе с ВЕЛЕДЕЕВОЙ я говорил, что *Сталин* необъективно подошел ко мне и возводил на него злобную клевету.

В разговорах с моей теперешней женой Елизаветой Федоровной и с ВЕЛЕДЕЕВОЙ я обвинял правительство и лично *Сталина* в том, что они не оценивают заслуг людей и, несмотря ни на что, изгоняют их и даже сажают в тюрьму.

Повторяю, что несмотря на высокое положение, которое я занимал и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я все же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня еще с давних времен.

Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной и до 1932 года я все это скрывал от партии и командования.

Когда же я столкнулся с *Жуковым* и он умело привязал меня к себе, то это мне понравилось и я увидел в нем опору.

Такая связь с *Жуковым* сблизила нас настолько, что в беседах

с ним один на один мы вели политически вредные разговоры, о чем я и раскаиваюсь теперь перед Вами.

Признаюсь Вам, что я оказался в полном смысле трусом, хотя и занимал большое положение и был главным маршалом.

У меня никогда не хватало мужества рассказать Вам о всех безобразиях, которые по моей вине творились в ВВС и о всем том, что я изложил в настоящем заявлении.

Новиков.

30 апреля 1946 года.

Товарищу СТАЛИНУ

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что И. О. Начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: «Выдана Маршалу Советского Союза тов. ЖУКОВУ Г. К. в том, что нижепоименованная мебель им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии «Альбин Май» приобретена за наличный расчет и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешен вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный Округ с сопровождающим капитаном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт № 152/8431».

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается.

Булганин

23 августа 1946 года.

Копия.
Форма № 70.

10 июля 1946 г. Воинская часть п.п. 48317.

Командир В/ч п.п. 48317. Древаль — 10 июля 1946 г. Комиссия в составе председателя ст. лейтенанта — САФОНОВ — членов зав. хранилищем СТАРОДУБОВ, МАЗУР, КОРШЕВ — произвели осмотр и прием имущества, прибывшего из гор. Хемниц — при акте от 19 июня 1946 года.

№№ п/п	Наименование имущества	Един. учета	Значится по документу	Оказалось налицо	Для отметок
	I. ГОСТИНАЯ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ КВАРТИРЫ				
	Светлое и красное дерево, обивка золотистым плюшем с голубыми цветами обр. № 1.				
1.	Стеклянный шкаф — витрина (одна)	шт.	1	1	101
2.	Зеркало — верхняя часть (одно)	шт.	1	1	101
3.	Столы «Брукнер»	шт.	2	2	102
4.	Радиостол (один)	шт.	1	1	103
5.	Зеркало нижн. часть (одно)	шт.	·1	1	103
6.	Клубные кресла (два)	шт.	2	2	104
7.	Клубные кресла (четыре)	шт.	4	4	105—106
8.	Полукресла (двенадцать)	шт.	12	12	107—108
9.	Диван (один)	шт.	1	1	109
	ИТОГО:	шт.	25	25	9 ящиков
	II. СТОЛОВАЯ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ КВАРТИРЫ, МОДЕЛЬ ШЛИБРУНИ				
	Светло полированный орех мозур. обивка малиновым плюшем обр. № 6				
1.	Сервант	шт.	1	1	251
2.	Буфет витрина (один)	шт.	1	1	255
3.	Диван мягкий	шт.	1	1	252
4.	Кресла клубные (два)	шт.	2	2	253
5.	Шкафчик для ликеров (один)	шт.	1	1	254
6.	Чайный столик (один)	шт.	1	1	256
7.	Радиостол (один)	шт.	1	1	256
8.	Столик для воды (один)	шт.	1	1	256
9.	Подставки для цветов (две)	шт.	2	2	256
10.	Мраморная доска для ликерного шкафчика (одна)	шт.	1	1	257
11.	Раздвижной стол (три)	шт.	3	3	258—259—260
12.	Стулья полумягкие (двадцать четыре)	шт.	24	24	261—262 263—264
	ИТОГО:	шт.	39	39	

№№ п/п	Наименование имущества	Един. учета	Значится по документу	Оказалось налицо	Для отметок
	III. ГОСТИНАЯ ДЛЯ ДАЧИ				
	Светлое и красное дерево, обивка золотистым плюшем с голубыми цветами обр. № 1				
1.	Стеклянный шкаф-витрина (одна)	шт.	1	1	201
2.	Зеркало верхн. часть (одно)	шт.	1	1	201
3.	Столы «Брукнер» (два)	шт.	2	2	202
4.	Радиостол (один)	шт.	1	1	203
5.	Зеркало трюмо — нижняя часть (одно)	шт.	1	1	203
6.	Клубные кресла (шесть)	шт.	6	6	204—205—206
7.	Диван (один)	шт.	1	1	207
8.	Полукресла (двенадцать)	шт.	12	12	208—209
	ИТОГО:	шт.	25	25	9 ящиков
	IV. СТОЛОВАЯ ДЛЯ ДАЧИ, ШЛИБРУНО				
	Светлый полированный орех мазур. обивка малиновым плюшем обр. № 6				
1.	Раздвижные столы (три)	шт.	3	3	151—152—153
2.	Чайный стол (один)	шт.	1	1	154
3.	Радиостол (один)	шт.	1	1	154
4.	Столик для воды (один)	шт.	1	1	154
5.	Стеклянный шкаф-витрина (один)	шт.	1	1	155
6.	Сервант (один)	шт.	1	1	156
7.	Стулья полумягкие (двадцать четыре)	шт.	24	24	157—158—159—160
8.	Диван мягкий (один)	шт.	1	1	161
9.	Клубные кресла (два)	шт.	2	2	162
	ИТОГО:	шт.	35	35	12 ящиков
	V. КАБИНЕТ МОДЕЛЬ «РАФАЭЛЬ» И «ГРЮНВАЛЬД»				
	Полированный орех Мозер с матовой инкрустацией под кожу				
1.	Стол круглый «Рафаэль» (один)	шт.	1	1	301
2.	Кресла клубного типа кожаные (шесть)	шт.	6	6	303—304—305
3.	Столы круглые (три)	шт.	3	3	306
4.	Книжный шкаф «Рафаэль» (один)	шт.	1	1	307
5.	Столик для телефона (один)	шт.	1	1	309
6.	Стол для воды (один)	шт.	1	1	309
7.	Радиостолик (один)	шт.	1	1	309
8.	Диван кожаный (один)	шт.	1	1	310
9.	Стулья мягкие кожаные (шесть)	шт.	6	6	311
10.	Рабочие кресла кожаные вертящиеся (одно)	шт.	1	1	312
11.	Письменный стол «Рафаэль»	шт.	1	1	313
	ИТОГО:	шт.	23	23	11 ящиков

№№ п/п	Наименование имущества	Един. учета	Значится по документу	Оказалось налицо	Для отметок
	VI. СПАЛЬНЯ ДЛЯ ДАЧИ, МОДЕЛЬ «ЭЛЕОНОРА»				
	Золотисто-желтая карельская береза, обивка голубым шелком с цветами				
1.	Гардероб 4-х створный (один) .	шт.	1	1	351—356—357
2.	Мужской комод-гардероб (один)	шт.	1	1	335
3.	Трельяж (один)	шт.	1	1	351—353—356
4.	Кровати (две)	шт.	2	2	351—352
5.	Прикроватная тумбочка (две) .	шт.	2	2	351
6.	Круглый стол (один)	шт.	1	1	354
7.	Стулья мягкие (четыре)	шт.	4	4	351—358
8.	Банкетка (одна)	шт.	1	1	351
9.	Кушетка (одна)	шт.	1	1	360
10.	Матрацы пружинные (два) . . .	шт.	2	2	361
11.	Матрацы волосяные (два)	шт.	2	2	359
	ИТОГО:	шт.	18	18	11 ящиков
	VII. ДЕВИЧЬЯ КОМНАТА				
	Береза светло-полированная, обивка зеленый шелк с мелкими цветами				
1.	Гардероб (один)	шт.	1	1	401
2.	Тумбочка прикроватная (одна)	шт.	1	1	402
3.	Дамский письменный стол (один)	шт.	1	1	402
4.	Туалет-трельяж (один)	шт.	1	1	403
5.	Книжный шкаф (один)	шт.	1	1	405
6.	Пружинный матрац (один) . . .	шт.	1	1	406
7.	Стулья полумягкие (два)	шт.	2	2	407
8.	Кресла мягкие (два)	шт.	2	2	408
9.	Кровать (одна)	шт.	1	1	409—401
10.	Круглый столик (один)	шт.	1	1	410
11.	Банкетка (одна)	шт.	1	1	407
12.	Мягкие матрацы из 4-х частей (один)	шт.	1	1	401
	ИТОГО:	шт.	14	14	10 ящиков
	VIII. ДЕТСКАЯ КОМНАТА				
	Светлая вишня — обивка голубым материалом с цветами				
1.	Шкаф-гардероб (один)	шт.	1	1	451
2.	Стулья жесткие (шесть)	шт.	6	6	452—451
3.	Кровать (две)	шт.	2	2	453—454
4.	Матрацы пружинные (два) . . .	шт.	2	2	455
5.	Кресла мягкие (два)	шт.	2	2	456
6.	Прикроватные тумбочки (две) .	шт.	2	2	451
7.	Матрацы волосяные (два)	шт.	2	2	451
8.	Стол по рисунку 2010 (один) .	шт.	1	1	457
	ИТОГО:	шт.	18	18	7 ящиков

Всего предметов 194, разобранные два <?> на четыре части составляют два предмета, а также мраморная доска является составной частью ликерного шкафчика. Вся мебель упакована в 8 ящиках.

Пред. Комиссии — ст. лейтенант	(САФОНОВ)
Зав. хранилищем в/н	(СТАРОДУБОВА)
Члены Комиссии — Нач. трансп. лейтенант	(МАЗУР)
Рабочий	(КОРШЕВ)
На хранение имущество приняла Зав. хранилищем в/н	(СТАРОДУБОВА)

В Е Р Н О: (подпись)

Совершенно секретно

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу СТАЛИНУ И. В.

В соответствии с Вашим указанием, 5 января с. г. на квартире *Жукова* в Москве был произведен негласный обыск.

Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире *Жукова* чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате.

В шкатулке оказалось:

часов — 24 шт., в том числе: золотых — 17 и с драгоценными камнями — 3;

золотых кулонов и колец — 15 шт., из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведенному обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира *Жукова* производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие-бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было.

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведен негласный обыск на даче *Жукова*, находящейся в поселке Рублево, под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов — всего свыше 4.000 метров;

мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых — всего 323 шкуры;

шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Герма-

нии — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Заслуживает внимание заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача *Жукова* представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что 4 картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне *Жукова* над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии.

По окончании обыска обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена стража.

В *Одессу* направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире *Жукова*. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире *Жукова* чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный СЕМОЧКИН, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена *Жукова* и при поездках берет его с собой.

Сегодня, когда *Жуков* вместе с женой прибыл из *Одессы* в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у *Жукова* сдачи этого чемодана с драгоценностями.

При этом представляю фотоснимки некоторых обнаруженных на квартире и даче *Жукова* ценностей, материалов и вещей*.

АБАКУМОВ.

10 января 1948 года.

---

* На последней странице документа написано: «В архив не поступали».

СОВ. СЕКРЕТНО
экз. № 1.

СССР

МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

«3» февраля 1948 г.
№ 3726/А
гор. МОСКВА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу СТАЛИНУ И. В.

Докладываю, что МГБ СССР взято обратно с базы госфондов все имущество, изъятое у маршала ЖУКОВА.

Это имущество, а также хранившиеся в МГБ СССР ценности, изъятые у ЖУКОВА, в соответствии с Вашим указанием, 3 февраля с. г. переданы по акту и подробным поштучным описям Управляющему Делами Совета Министров СССР тов. ЧАДАЕВУ.

От МГБ СССР имущество и ценности передали:

Заместитель Министра генерал-лейтенант БЛИНОВ

Начальник отдела «А» генерал-майор ГЕРЦОВСКИЙ

Управляющий Делами полковник КОЧЕГАРОВ

Зам. начальника Финотдела подполковник БОРОВКОВ

Сотрудники отдела «А» — подполковник ВОРОБЬЕВ, подполковник БАЛИШАНСКИЙ, майор БАРИНОВ и капитан ГУСЕВ.

От Управления Делами Совета Министров СССР имущество и ценности приняли:

Управляющий делами ЧАДАЕВ

Зам. Управляющего Делами ОПАРИН

Зам. начальника Хозуправления МАКАРОВ

Начальник хозяйственной группы КИРИЛЛИН.

При этом представляю акт и описи на переданное имущество и ценности.

АБАКУМОВ.

АКТ

О передаче Управлению Делами Совета Министров Союза ССР изъятого Министерством Государственной Безопасности СССР у Маршала Советского Союза Г. К. ЖУКОВА незаконно приобретенного и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов.

I.

Кулоны и броши золотые (в том числе один платиновый) с драгоценными камнями	— 13 штук
Часы золотые	— 9 штук
Кольца золотые с драгоценными камнями . . .	— 16 штук
Серьги золотые с бриллиантами	— 2 пары
Другие золотые изделия (браслеты, цепочки и др.)	— 9 штук
Украшения из серебра, в том числе под золото	— 5 штук
Металлические украшения (имитация под золото и серебро) с драгоценными камнями (кулоны, цепочки, кольца)	— 14 штук
Столовое серебро (ножи, вилки, ложки и другие предметы)	— 713 штук
Серебряная посуда (вазы, кувшины, сахарницы, подносы и др.)	— 14 штук
Металлические столовые изделия под серебро (ножи, вилки, ложки и др.)	— 71 штука

II.

Шерстяные ткани, шелка, парча, бархат, фланель и другие ткани	— 3.420 метров
М е х а — скунса, норка, выдра, нутрии, черно-бурые лисы, каракульча и другие	— 323 штуки
Шевро и хром	— 32 кожи
Дорогостоящие ковры и дорожки больших размеров	— 31 штука
Гобелены больших размеров художественной выделки	— 5 штук

Художественные картины в золоченых рамах, часть из них представляет музейную ценность	— 60 штук
Дворцовый золоченый художественно выполненный гарнитур гостиной мебели	— 10 предметов
Художественно выполненные антикварные вазы с инкрустациями	— 22 штуки
Бронзовые статуи и статуэтки художественной работы	— 29 штук
Часы каминные антикварные и напольные . . .	— 9 штук
Дорогостоящие сервизы столовой и чайной посуды (частью некомплектные)	— 820 предметов
Хрусталь в изделиях (вазы, подносы, бокалы, кувшины и другие)	— 45 предметов
Охотничьи ружья заграничных фирм	— 15 штук
Баяны и аккордеоны художественной выделки	— 7 штук

Пианино, рояль, радиоприемники, фарфоровая и глиняная посуда и другие предметы, согласно прилагаемых поштучных описей.

Всего прилагается 14 описей.

Сдали: Заместитель Министра Госбезопасности СССР
Генерал-лейтенант

БЛИНОВ А. С.

Начальник отдела «А» МГБ СССР
Генерал-майор

ГЕРЦОВСКИЙ А. Я.

Приняли: Управляющий делами Совета Министров СССР

ЧАДАЕВ Я. Е.

Зам. Управделами Совета Министров Союза ССР

ОПАРИН И. Е.

3 февраля 1948 года,
город Москва.

ПЕРЕЧЕНЬ

описей, приложенных к акту о передаче имущества, изъятого МГБ СССР у Маршала Советского Союза Г. К. ЖУКОВА.

Опись № 1 — Драгоценности и другие изделия из золота, серебра, платины
Опись № 2 — Художественные картины музейной ценности
Опись № 3 — Гобелены и ковры
Опись № 4 — Меха
Опись № 5 — Шерстяные ткани, сукно, шелка, бархат, кожа и другие предметы
Опись № 6 — Шерстяные ткани, шелка, бархат
Опись № 7 — Ткани хлопчатобумажные и шелковые
Опись № 8 — Ткани хлопчатобумажные и шелковые
Опись № 9 — Стильная мебель
Опись № 10 — Радиола
Опись № 11 — Музыкальные инструменты
Опись № 12 — Охотничьи ружья
Опись № 13 — Антикварные вазы, статуэтки, часы и другие предметы
Опись № 14 — Антикварные вазы, фигуры, часы, столовая и чайная посуда.

СОВ. СЕКРЕТНО

экз. № 1.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«6» февраля 1948 г.

№ 3738/А

гор. МОСКВА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

При этом представляю протокол допроса арестованного генерал-майора СИДНЕВА А. М., бывш. начальника оперативного сектора МВД в Берлине о мародерстве и грабежах в Германии.

Бывш. начальник финансового отдела аппарата СЕРОВА в Германии САЧКОВ и бывш. начальник финотдела берлинского оперативного сектора МВД НОЧВИН, которые для того, чтобы замести следы преступлений, участвовали в сожжении документов о количестве наворованных СИДНЕВЫМ и другими ценностей и германских марок — нами арестованы.

По показаниям СИДНЕВА и БЕЖАНОВА, как активный жулик, проходит ТУЖЛОВ — бывш. секретарь СЕРОВА, ныне слушатель Военного института Министерства Внутренних Дел СССР.

Прошу Вашего разрешения арестовать ТУЖЛОВА.

АБАКУМОВ

Разослано:
т. Сталину
т. Кузнецову.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного С И Д Н Е В А Алексея Матвеевича

от 6 февраля 1948 года.

СИДНЕВ А. М., 1907 года рождения, уроженец гор. Саратова, с незаконченным высшим образованием, член ВКП(б) с 1931 года.

Бывший начальник оперативного сектора МВД в Берлине. Последнее время работал Министром государственной безопасности Татарской АССР, генерал-майор.

ВОПРОС: — Какой период времени вы работали в Германии?
ОТВЕТ: — С 1945 по 1947 год я работал начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина. В ноябре 1947 года я получил новое назначение и из Германии уехал в Казань.
ВОПРОС: — После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.
ОТВЕТ: — Говоря откровенно, я давно беспокоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать.

Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным.
ВОПРОС: — Вы и сами занимались грабежом?
ОТВЕТ: — Я это признаю. Не считаясь с высоким званием советского генерала и занимаемой мною ответственной должностью

в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые мне надлежало охранять, стал обогащаться.

Как не стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства.

При этом я должен сказать, что, отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего.

ВОПРОС: — Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра.

Это по вашему «немного лишнего»?

ОТВЕТ: — Я не отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

ВОПРОС: — Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков.

Где вы утащили эти гобелены?

ОТВЕТ: — Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи.

Увидев их, я приказал своему коменданту АКСЕНОВУ отправить их ко мне на ленинградскую квартиру.

ВОПРОС: — Но этим гобеленам место только в музее. Зачем же они вам понадобились?

ОТВЕТ: — По совести сказать, я даже не задумывался над тем, что я ворую. Подвернулись эти гобелены мне под руку, я их и забрал.

ВОПРОС: — Однако, вы воровали не все подряд, а лишь наиболее ценные вещи. Следовательно, вы не обычный вор?

ОТВЕТ: — Конечно, я брал себе наиболее ценное, но что еще было мною присвоено, я сейчас не помню.

ВОПРОС: — Мы вам напомним. Дамскую сумочку, сделанную из чистого золота, вы где взяли?

ОТВЕТ: — Точно не помню, где я прихватил эту сумку. Думаю, что она была взята мною или женой в подвале Рейхсбанка.

ВОПРОС: — А три золотых браслета с бриллиантами вы где «прихватили»?

ОТВЕТ: — Эти браслеты были мною взяты в одном из обнаруженных немецких хранилищ, где именно — не помню. Если не ошибаюсь, один из золотых браслетов мне принес бухгалтер берлинского оперсектора НОЧВИН.

ВОПРОС: — 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы украли?

ОТВЕТ: — Так же, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах.
ВОПРОС: — Вы очищали не только немецкие хранилища, но и грабили арестованных, как разбойник с большой дороги.
ОТВЕТ: — Ценностей арестованных я не присваивал.
ВОПРОС: — Врете. Ваш бывший адъютант АЛЕКСЕЕВ П. В. изобличает вас именно в том, что вы грабили арестованных.
АЛЕКСЕЕВ показал:

«Летом 1945 года СИДНЕВ приказал мне выехать к майору ЗАХАРОВУ, взять там у арестованного немца ценности и доставить к нему — СИДНЕВУ, а арестованного немца также забрать с собой, но по пути высадить из машины и отпустить на все четыре стороны.

Это приказание мною было выполнено. Я доставил СИДНЕВУ изъятые у этого немца золотые часы, отделанный золотом автоматический карандаш, 4 отреза шерсти высокого качества и меховые шкурки на два котиковых пальто.

Тогда же я доложил СИДНЕВУ, что, согласно его приказанию, я забрал с собой у ЗАХАРОВА арестованного немца и по дороге отпустил его. Фамилия этого немца, насколько помню, ЗАЛЬБЕР».

Вы признаете это?
ОТВЕТ: — Возможно такой случай и имел место, но я его не помню.
ВОПРОС: — Шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы также украли?
ОТВЕТ: — Да, украл.
ВОПРОС: — Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. Зачем вы наворовали столько столовых приборов?
ОТВЕТ: — На этот вопрос я затрудняюсь ответить.
ВОПРОС: — 32 дорогостоящих меховых изделия, 178 меховых шкурок, 1500 метров высококачественных шерстяных, шелковых, бархатных тканей и других материалов, 405 пар дамских чулок, 78 пар обуви, 296 предметов одежды — все это лишь часть изъятых у вас вещей.
Вы что собирались торговать всей этой добычей?
ОТВЕТ: — Торговать, конечно, я не собирался. Все это наворовал частично сам, при активном участии жены, а большинство имущества для меня доставали комендант оперсектора АКСЕНОВ и мой родственник КУЗНЕЦОВ, выписанный мною в Берлин из СССР и назначенный оперуполномоченным по учету в оперативный сектор.
ВОПРОС: — Теперь может быть вы сами скажете, что еще вы награбили в Германии?
ОТВЕТ: — Мне сейчас трудно перечислить все то, что я в течение длительного времени разными путями направил на свою ленинградскую квартиру. Могу лишь ориентировочно сказать, что из Германии я вывез для себя более 40 битком набитых че-

моданов, ящиков и тюков, в которых было много различного белья, высших сортов материи, мужские и дамские костюмы, меховые женские шубы, черно-бурые лисы, женская и мужская обувь, фотоаппараты, радиолы, хрустальные вазы, антикварные вещи и другое имущество.

Часть этого имущества я месяц тому назад переправил к своему новому месту жительства в гор. Казань.

Кроме того, из Берлина в начале декабря 1947 года мною отправлены в Казань мебель из красного дерева для спальни и столовой, рояль, киноустановка и другие вещи.

ВОПРОС: — Как получилось, что вы стали мародером?

ОТВЕТ: — Сидя в тюрьме, я и сам неоднократно задавал себе этот вопрос. Ведь я с 1928 года находился в Советской Армии, был хорошим командиром и честным коммунистом и когда в 1939 году заканчивал Военно-инженерную академию им. Куйбышева, то по партийной линии был мобилизован в органы НКВД и направлен на руководящую работу. На этой работе я был всем обеспечен, честно и с любовью относился к труду. Отечественная война застала меня на работе в Особом отделе НКВД и с армией я переносил все тяготы. В 1944 году, являясь заместителем начальника Управления «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта, я на территории Польши встретился с СЕРОВЫМ, являвшимся в то время Уполномоченным НКВД по указанному фронту. Под его руководством я проводил работу в Польше, а затем, когда советские войска захватили Берлин, СЕРОВ добился моего перевода на работу в НКВД и назначил начальником берлинского оперсектора.

На этой работе СЕРОВ приблизил меня к себе, я стал часто бывать у него и с этого времени началось мое грехопадение.

Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял СЕРОВ, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я.

Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что СЕРОВ являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного.

Самолет СЕРОВА постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для СЕРОВА. С таким же грузом в Москву СЕРОВ отправлял вагоны и автомашины.

Надо сказать, что СЕРОВ свои жульнические операции проводил очень искусно. Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, СЕРОВ под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру СЕРОВА, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами.

ВОПРОС: — Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

ОТВЕТ: — Я денег не крал.

ВОПРОС: — Неправда. Арестованный бывш. начальник оперативного сектора МВД Тюрингии БЕЖАНОВ Г. А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения.

Правильно показывает БЕЖАНОВ?

ОТВЕТ: — Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок.

Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин).

Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размещался берлинский оперативный сектор МВД.

ВОПРОС: — Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

ОТВЕТ: — Да, в моем.

ВОПРОС: — Сколько же всего там находилось денег?

ОТВЕТ: — В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок.

ВОПРОС: — Какое вы имели право держать у себя такое количество денег, не сдавая их в советский государственный банк?

ОТВЕТ: — Хранение такого количества денег, конечно, было незаконным, но сделано это было по указанию СЕРОВА.

Когда я ему доложил об обнаружении в Берлине мешков с немецкими марками, СЕРОВ сказал, что эти деньги будут для нас очень кстати и приказал их в банк не сдавать, а держать у себя.

ВОПРОС: — За счет этих денег вы и обогащались?

ОТВЕТ: — Да. Значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение.

ВОПРОС: — Кого?

ОТВЕТ: — Больше всего поживились за счет этих денег СЕРОВ и я. Попользовались этими деньгами также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ, работавшие начальниками оперативных секторов МВД в Германии.

ВОПРОС: — Как вы разворовывали миллионы, находившихся у вас немецких денег?

ОТВЕТ: — Это делалось очень просто. СЕРОВ присылал мне, так называемые, заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег.

Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственным нуждам оперативных секторов. За счет этих сумм действительно покрывались расходы по оперативным секторам, а часть денег разворовывалась.

Наряду с этим СЕРОВ раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора, так называемые, безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды.

Все выдачи денег производились в моем оперативном секторе бухгалтером НОЧВИНЫМ.

Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по нескольку миллионов рейхсмарок, а я лично, с разрешения СЕРОВА, взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно, я сейчас указать не могу.

Около ста тысяч германских марок были мною присвоены еще в 1945 году, при обнаружении их в подвалах Рейхсбанка.

О том, что значительная часть средств, отпускаемых как бы для служебных целей, разворовывалась, можно судить хотя бы потому, что СЕРОВ, имея в своем аппарате всего лишь 20 сотрудников, систематически присылал ко мне своего секретаря ТУЖЛОВА с записочками, содержавшими указания выдать ту или иную сумму денег. В таком незаконном порядке СЕРОВ только от меня получил около миллиона немецких марок.

Помимо этого, ТУЖЛОВ брал у бухгалтера НОЧВИНА деньги и без моего ведома, поскольку НОЧВИН имел от меня указание для СЕРОВА выдавать деньги беспрепятственно.

ВОПРОС: — Вы умышленно преуменьшаете количество денег, украденных вами и вашими сообщниками. С какой целью вы это делаете?

ОТВЕТ: — Я ничего не скрываю, но не могу назвать более точных сумм, взятых СЕРОВЫМ, КЛЕПОВЫМ, БЕЖАНОВЫМ и другими лицами потому, что если даже они и отчитывались за взятые деньги, то такие записочки они направляли непосредственно в бухгалтерию аппарата СЕРОВА, где работали САЧКОВ и КРУПЕНИН.

У моего бухгалтера НОЧВИНА хранились лишь записи на выданные деньги, но и их впоследствии забрал к себе СЕРОВ.

ВОПРОС: — В связи с чем?

ОТВЕТ: — В связи с передачей оперативной работы в Германии в ведение МГБ СССР, в октябре 1946 года меня вызвал СЕРОВ и предложил отправить ему все имеющиеся записи о расходовании немецких марок, а также сдать остаток имеющихся немецких денег.

Из этого я понял, что СЕРОВ серьезно обеспокоен возможностью вскрытия всех преступлений, которые СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ были совершены.

Поэтому, возвратившись от СЕРОВА, я предложил бухгалтеру НОЧВИНУ отвезти в аппарат СЕРОВА все записи на выданные деньги и находившиеся у меня 3 миллиона немецких марок. Это указание НОЧВИН выполнил.

Необходимо указать, что в переданных СЕРОВУ записях на выданные деньги, значилось несколько десятков миллионов немецких марок, сколько именно не помню, которые в течение 1945—1946 гг. по моему указанию были сданы НОЧВИНЫМ в Государственный банк.

ВОПРОС: — Вам известно, где находятся сейчас все записи по расходованию немецких марок?

ОТВЕТ: — Как мне рассказывал НОЧВИН, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию СЕРОВА сожжены.

Остался лишь перечень наименований сожженных материалов, составленный работниками финансовой группы аппарата СЕРОВА.

ВОПРОС: — Кто именно сжигал эти отчетные материалы и записи?

ОТВЕТ: — Я этого не знаю, но вероятнее всего в сожжении участвовали финансовые работники аппарата СЕРОВА или его секретарь ТУЖЛОВ, а может быть и все вместе.

ВОПРОС: — Но ведь эти материалы необходимо было передать вновь назначенному Уполномоченному МГБ СССР в Германии?

ОТВЕТ: — Правильно, но это было не в наших интересах.

Я считаю, что СЕРОВ дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как, если бы они сохранились, то все преступления, совершенные СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ, БЕЖАНОВЫМ и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме.

ВОПРОС: — А куда вы девали отчетность об изъятом золоте и других ценностях, находившихся у вас?

ОТВЕТ: — Эта отчетность так же, как и отчетность по немецким маркам, была передана в аппарат СЕРОВА и там сожжена.

ВОПРОС: — Вы это сделали для того, чтобы скрыть хищение золота и других ценностей?

ОТВЕТ: — Я сдал эти документы СЕРОВУ потому, что он их у меня потребовал.

О расхищении ценностей с моей стороны я уже дал показания. Присваивал ценности также и СЕРОВ, поэтому, очевидно, была необходимость уничтожить эти документы, чтобы спрятать концы в воду.

ВОПРОС: — Не отделывайтесь общими фразами, а говорите, что вам известно о расхищении СЕРОВЫМ золота?

ОТВЕТ: — Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в Государственный банк, СЕРОВ приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно.

Выполняя это указание, я разновременно передал в аппарат

СЕРОВА в изделиях, примерно, 30 килограммов золота и других ценностей.

СЕРОВ мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако, я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий СЕРОВ взял себе.

ВОПРОС: — Откуда вы это знаете?

ОТВЕТ: — Я это лично видел. Являясь к СЕРОВУ с докладом об изъятых ценностях, я приносил ему для просмотра наиболее дорогие образцы золотых изделий и бриллиантов. СЕРОВ в таких случаях долго вертел эти ценности в руках, любовался ими, а затем часть из них оставлял у себя.

Помимо меня, много золотых вещей давали СЕРОВУ и другие начальники секторов.

Кроме присвоения ценностей и немецких марок СЕРОВ, как я уже показывал ранее, занимался грабежом ценного имущества.

Жена СЕРОВА и его секретарь ТУЖЛОВ неоднократно приезжали на склад берлинского оперативного сектора, где отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили с собой.

ТУЖЛОВ и адъютант СЕРОВА — ХРЕНКОВ разъезжали по Германии и отбирали для СЕРОВА ценные вещи.

Все указанное, а также и другое награбленное СЕРОВЫМ имущество отправлялось из Германии к нему в Москву.

Неоднократно провожая СЕРОВА с аэродрома в Берлине, я сам видел, как его самолет загружался сундуками, чемоданами, тюками и узлами.

СЕРОВ вывез из Германии много добра и я даже не могу себе представить, где он мог его разместить.

Следуя примеру СЕРОВА, я и сам рассылал своих людей — АЛЕКСЕЕВА, КУЗНЕЦОВА и АКСЕНОВА по разным районам Берлина, где они добывали для меня лучшую одежду, материалы и ценности.

Много ценных вещей я так же, как и СЕРОВ, забрал со склада берлинского оперативного сектора.

Пользуясь самолетами Советской военной администрации в Германии и самолетом СЕРОВА, я сам, а иногда с АЛЕКСЕЕВЫМ переотправлял все это в Ленинград.

Мародерством и грабежом вещей и ценностей занимались также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ.

БЕЖАНОВ, как мне известно, работая начальником оперативного сектора МВД в Тюрингии, жил как помещик, свез к себе в дом большое количество ценного имущества, принадлежавшего богачам Тюрингии, пустил в ход пивоваренный завод какого-то крупного эсэсовца и пользовался прибылями от этого завода.

КЛЕПОВ, так же, как и БЕЖАНОВ, организовал в Германии для себя барское житье. В своем особняке в Саксонии он имел много ценных вещей и уникальную мебель; занимаясь воровст-

вом, КЛЕПОВ принял деятельное участие в расхищении склада мехов, обнаруженного в Лейпциге.

ВОПРОС: — Как все эти вопиющие злоупотребления могли сходить вам безнаказанно?

ОТВЕТ: — Я уже показывал, что весь наш грабеж мы чинили под видом изъятия и отправки в Советский Союз трофейного имущества. Кроме того я, КЛЕПОВ, и БЕЖАНОВ пользовались покровительством СЕРОВА, который считал себя хозяином положения в Германии. Поэтому все наши грязные дела сходили нам с рук, и мы считали, что с таким человеком, как СЕРОВ, мы не пропадем.

Особенно хорошо относился СЕРОВ ко мне, потому что в подвале моего сектора хранились деньги и другое ценное имущество, которые я беспрепятственно выдавал СЕРОВУ. К тому же я знал, что СЕРОВ, часто выезжая в Москву, каждый раз увозил с собой большое количество ценных вещей. Я не сомневаюсь, что СЕРОВ такую мою осведомленность, конечно, принимал в расчет.

Должен прямо сказать, что между СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ установилась круговая порука, все мы воровали и оказывали друг другу в этом помощь. Большое значение имело также подхалимство, процветавшее среди нас по отношению к СЕРОВУ.

Последний, в свою очередь, поощрял нас и умело использовал в своих личных целях.

ВОПРОС: — Приведите факты.

ОТВЕТ: — Начну с себя. Я не раз выполнял сугубо личные поручения СЕРОВА, которые иначе, как подхалимажем назвать нельзя.

Помню, как однажды СЕРОВ поручил мне, где угодно, достать две комнатных собачки английской породы с бородками, предназначавшиеся, видимо, кому-то в подарок. Это задание оказалось довольно трудным, но благодаря приложенным стараниям собачки с бородками были куплены по 15 тысяч марок за штуку.

Вообще должен сказать, что СЕРОВ уделял очень много внимания приобретению различных вещей и предметов для преподношения подарков каким-то своим связям.

В этих целях СЕРОВ изготовил в подчиненных мне авторемонтных мастерских 5—6 специальных радиол.

СЕРОВ где-то отыскал немецкого техника, который специально разработал конструкцию радиол и составил чертежи, а СЕРОВ лично корректировал их. Дерево для изготовления радиол было содрано со стен кабинета Гитлера в имперской канцелярии.

Много времени СЕРОВ потратил также на поиски глубокого старика ЗАУЭРА — владельца оружейного завода, у которого с помощью БЕЖАНОВА заказал более десятка ружей, часть из которых была изготовлена с особой отделкой.

Через КЛЕПОВА и БЕЖАНОВА, СЕРОВ также заказывал фотоаппараты на заводе ЦЕЙСА в Иене, отделанные золотом сервизы на одной из фарфоровых фабрик в Тюрингии, куда он специально приезжал, и другие ценные вещи.

ВОПРОС: — Кому СЕРОВ дарил изготовленные им по заказу ружья, радиолы, сервизы и фотоаппараты?

ОТВЕТ: — Мне известно, что одну из радиол СЕРОВ подарил маршалу ЖУКОВУ, несколько радиол было отправлено кому-то в Москву. Для кого им были изготовлены ружья, сервизы и фотоаппараты я не знаю.

Я знаю также, что СЕРОВ подарил дамские золотые часы американскому генералу, фамилию не помню, являвшемуся одним из комендантов Берлина. Эти часы достал СЕРОВУ я.

В период конференции глав четырех держав в Потсдаме, СЕРОВ дал мне указание достать для него дюжину часов для подарков. Я это указание выполнил. Кому СЕРОВ их роздал мне не известно.

Лично мне СЕРОВ подарил два сервиза и ружье.

ВОПРОС: — По какому случаю СЕРОВ вам сделал эти подарки?

ОТВЕТ: — Я уже показал, что СЕРОВ относился ко мне покровительственно. Кроме того, я у него был на хорошем счету, как энергичный работник.

ВОПРОС: — Вы энергично воровали, а работать вам было некогда. Не так ли?

ОТВЕТ: — В мародерстве я уже признал себя виновным. Что касается моего отношения к оперативной работе, то в этой части я аккуратно выполнял возложенные на меня задачи.

ВОПРОС: — Ваше заявление смехотворно. Вы занимались мародерством и грабежом, разложили своих подчиненных и, вместе с тем, у вас хватает совести заявлять, что честно работали.

ОТВЕТ: — В разложении своих подчиненных я виновен и это, конечно, в значительной степени сказалось на оперативной работе. Но и в этом виноват опять-таки в немалой степени СЕРОВ, который почти не руководил мною, будучи, как я уже показывал, занят личными делами. К тому же он очень много времени находился в Москве.

За все время моего пребывания в Германии СЕРОВ был у меня в секторе не более четырех раз и то проездом из его резиденции в Бабельсберге в Карлсхорст, где находилось Управление Советской военной администрации. В каждом из этих случаев СЕРОВ оставался у меня не более пяти минут.

Таким образом, по работе, я, по существу, был предоставлен сам себе. В таком же положении находились и другие начальники оперативных секторов.

СЕРОВ же, помимо того, что занимался устройством своих личных дел, много времени проводил в компании маршала ЖУКОВА, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга.

ВОПРОС: — Разъясните это ваше заявление?
ОТВЕТ: — СЕРОВ очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении ЖУКОВА, но из-за установившихся близких отношений все покрывал.

Бывая в кабинете СЕРОВА, я видел у него на столе портрет ЖУКОВА с надписью на обороте: «Лучшему боевому другу и товарищу на память». Другой портрет ЖУКОВА висел в том же кабинете СЕРОВА на стене.

СЕРОВ и ЖУКОВ часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению СЕРОВА передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные ЖУКОВЫМ для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам.

Несколько позже ко мне была прислана от ЖУКОВА корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стэка, который ЖУКОВ хотел преподнести своей дочери в день ее рождения.

(Допрос прерван.)

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан.

С и д н е в.

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
подполковник

ПУТИНЦЕВ.

Совершенно секретно

Товарищу С Т А Л И Н У И. В.

Я извиняюсь, товарищ СТАЛИН, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам.

С тех пор, как я послал Вам, товарищ СТАЛИН, объяснительную записку по поводу лживых показаний БЕЖАНОВА, АБАКУМОВ арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, «показаниях» и открыто говорят, что АБАКУМОВ подбирается ко мне.

Я работаю по-прежнему, не обращая внимания на происходящее, однако, считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ СТАЛИН, т. к. уверен, что АБАКУМОВ докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет АБАКУМОВ.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что АБАКУМОВ в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям.

Несомненно, что АБАКУМОВ будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с тт. ФЕДОТОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, МЕШИКОМ, РАПАВА, МИЛЬШТЕЙНОМ и другими.

Мне АБАКУМОВ в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь МЕШИКА застрелит. Ну, а теперь на должности Министра имеется полная возможность найти другой способ мести. МЕШИК это знает и остерегается. Также опасаются АБАКУМОВА и другие честные товарищи.

Товарищ СТАЛИН, я не сомневаюсь, что АБАКУМОВУ долго такими методами Вы работать не позволите.

Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с АБАКУМОВЫМ на протяжении ряда лет.

Сейчас для того, чтобы очернить меня АБАКУМОВ всеми силами старается приплести меня к ЖУКОВУ. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме АБАКУМОВА есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако АБАКУМОВ о себе молчит как он расхваливал ЖУКОВА и выслуживался перед ним как мальчик. Приведу факты, товарищ СТАЛИН.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий АБАКУМОВ, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать обо-

рону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут».

Теперь АБАКУМОВ, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии УЛЬБРИХТ и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

ЖУКОВ позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что СЕРОВ неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернуло свою работу в этих районах.

АБАКУМОВ, узнав, что ЖУКОВ ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю аферисту ЗЕЛЕНИНУ, который в тот период был начальником Управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. ЗЕЛЕНИН узнал об аресте судей и доложил АБАКУМОВУ.

Когда была Первая Сессия Верховного Совета СССР, то АБАКУМОВ, сидя рядом с ЖУКОВЫМ (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей.

По окончании заседания АБАКУМОВ подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге АБАКУМОВ начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, т. к. перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда АБАКУМОВ спросил меня, а почему я скрыл это от ЖУКОВА, я ответил, что не все нужно ЖУКОВУ говорить. АБАКУМОВ было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед ЖУКОВЫМ. На это мне АБАКУМОВ заявил, что он ЖУКОВУ рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это АБАКУМОВА обозвал дураком и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить АБАКУМОВА, чем вызвано такое желание выслужиться перед ЖУКОВЫМ.

Мне неприятно, товарищ СТАЛИН, вспоминать многочисленные факты самоснабжения АБАКУМОВА во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, АБАКУМОВ не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы АБАКУМОВА из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «АБАКУМОВУ».

Вероятно, АБАКУМОВ уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант КУЗНЕЦОВ (ныне «охраняет» АБАКУМОВА) прилетел к начальнику Управления контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет АБАКУМОВА на обратный путь, т. к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант АБАКУМОВА не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта АБАКУМОВА. Вот какие подлости выделывал АБАКУМОВ во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас АБАКУМОВ свои самолеты, прилетающие из-за границы, на Контрольных пунктах в Москве не даст проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть АБАКУМОВ расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима ИВАНОВА, ведавшего хозяйственными вопросами, АБАКУМОВ посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе АБАКУМОВ пошил такие сапоги. Ведь оставшиеся в Москве, в тот период, генералы видели поведение АБАКУМОВА.

Пусть АБАКУМОВ откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

А сейчас он забыл это и посадил в тюрьму подполковника ТУЖЛОВА, который в первые дни войны был начальником пограничной заставы, в течение семи часов вел бой с немцами до последнего патрона, был ранен и получил орден «Красного Знамени».

Конечно, сейчас АБАКУМОВ, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. АБАКУМОВ по секрету сообщил мне, что «Прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему «Товарищ СТАЛИН под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при

этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ СТАЛИН, слова, когда Вам покойный ЩЕРБАКОВ доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной Площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе как побежит без оглядки из России».

Эти Ваши слова я рассказал АБАКУМОВУ, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом, АБАКУМОВ начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы РОКОССОВСКИЙ, ВОРОНОВ и другие». Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин и добавил «Не будь товарища СТАЛИНА мы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу СТАЛИНУ обязан весь русский народ». АБАКУМОВ на это не нашелся ничего сказать как «да». Да оно и понятно, ведь АБАКУМОВ не способен на политическую оценку событий.

Мне во время войны приходилось чаще по службе и реже в быту встречаться с АБАКУМОВЫМ. Я наблюдал и изучал его. У меня составилось определенное о нем мнение, которое полностью подтвердили последние события.

Для того, чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу.

Сейчас под руководством АБАКУМОВА созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь АБАКУМОВ на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т. д.

Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела — не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память ЛЕНИНА, а проводили раздельно и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь АБАКУМОВ навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20—25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу придти ко мне, то нужно брать особое разрешение от АБАКУМОВА. Об этом мне официально сообщали начальник отдела МГБ ГРИБОВ и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.). Можно только ругать эти операции.

А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала и многие из них скрылись. Это ведь факт. А АБАКУМОВ за операцию представил сотни сотрудников к наградам.

Не так давно АБАКУМОВ вызывал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ.

Везде на руководящие должности назначены работники «Смерш», малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями.

Всем известно, что АБАКУМОВ не проверил работу ни одного органа «Смерш» и боится это сделать, т. к. найдет там много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3—4 сотрудника РО МГБ в течение года.

А ведь Вам известно, товарищ СТАЛИН, сколько прибыло в страну репатриантов, а среди них и англо-американских шпионов.

Ведь АБАКУМОВ обманул ЦК и провел в штаты МГБ Управление СУДОПЛАТОВА, которое в течение полутора лет ничем не занимается в ожидании работы.

В Управлении кадров МГБ десятки генералов и полковников ходят безработными по году и получают жалованье по 5—6 тысяч. Секрет заключается в том, что эти генералы на работе осрамились, а вместе с тем для АБАКУМОВА нужные, вот и выжидается момент, куда их можно потом «выдвинуть».

Ради личного престижа АБАКУМОВ готов идти на антигосударственные дела.

Я расскажу Вам, товарищ СТАЛИН, историю передачи московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения.

В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся столицы и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось во всех случаях это были сотрудники охраны МГБ, стоявшие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом АБАКУМОВУ. Вместо принятия мер, АБАКУМОВ попросил меня зайти и вместе с ВЛАСИКОМ начали оскорблять меня и тов. КРУГЛОВА, заявляя

при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе.

Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ.

Сейчас работники МГБ сами говорят, что регулировщики им не нужны, да и практически получается нелепо. На парном посту теперь стоят по 4 человека. Вдоль улицы Горького в 100 метрах друг от друга стоят сотрудники МГБ. Зачем, спрашивается, тратить вдвойне государственные средства. А ведь это делается, товарищ СТАЛИН, под видом усиления охраны членов Правительства.

АБАКУМОВ чувствует, что рано или поздно вскроются все его дела, поэтому он сейчас и старается убрать лиц, знающих об этих и других фактах.

Товарищ СТАЛИН! Прошу Вас поручите проверить факты, приведенные в этой записке и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскроется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства Государственной Безопасности.

Вместе с этим, я очень прошу Вас, дорогой товарищ СТАЛИН, поручите комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал АБАКУМОВ против меня для того, чтобы свести со мной личные счеты.

И. СЕРОВ

8 февраля 1948 года

Копия

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Заключенного Крюкова Владимира Викторовича, рожд. 1897 г., осужденного по ст. 58—10 ч. 1 и Закону от 7.VIII.32 г. Срок наказания — 25 ИТЛ и 5 лет поражение прав. Наказание отбываю в Иркутской обл. г. Тайшет, п/я № 215/603.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я родился в 1897 г. в семье почтальона в сл. Бутурлиновке Воронежской области. Позже мой отец стал телеграфистом. Состоял в партии ВКП(б) с 1917 г. по 1922 г.— по день своей смерти.

В 1914 г. я окончил реальное училище, а в 1915 г. поступил вольноопределяющимся в зап. полк. По окончании учебной команды был направлен в школу прапорщиков, по окончании которой в 1916 г. был направлен на фронт. В 1917 г. был избран членом полкового комитета. В 1918 г. добровольцем вступил в красногвардейский отряд тов. Петрова. В составе этого отряда сражался на Южном фронте против белогвардейских банд. После организации Красной Армии до конца гражданской войны занимал должности, начиная от командира взвода до командира полка включительно, сражаясь с белогвардейскими бандами на Восточном и Южном фронтах. Был ранен.

По окончании гражданской войны был направлен на учебу в Высшую офицерскую кавалерийскую школу, по окончании которой, а затем ВАКа в 1940 г. я занимал должности, начиная от н-ка полковой школы до командира кав. корпуса включительно.

Во время финской войны в 1939/40 гг. командовал стр. полком, с коим одним из первых прорвал линию Маннергейма, за что полк был награжден орденом Красного Знамени, а я — орденом Ленина.

Великую Отечественную войну начал в должности командира мотостр. дивизии, а затем с марта 1942 г. был назначен командиром 2 гв. кав. корпуса, которым и прокомандовал до ноября 1945 г., после его расформирования я был назначен начальником Высшей офицерской школы, а в ноябре 1947 г. был назначен зам. командира 36 гв. стр. корпуса. За время Отечественной войны я с корпусом участвовал в целом ряде рейдов. 2 гв. кав. корпус неоднократно отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего. За время моего командования корпус был награж-

ден орденом Красного Знамени и орденом Суворова II ст. За бои в Померании корпусу было присвоено наименование «Померанский». Все части, входящие в состав корпуса, неоднократно были награждены различными орденами и наименованиями.

Я лично за время Отечественной войны был награжден: «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Суворова I ст., орденом Кутузова I ст., двумя орденами Суворова II ст. и целым рядом различных медалей, а также орденами «Вартути Милитари» и «Крест Грундвальда» Польской республики.

Последнее мое звание было генерал-лейтенант. Состоял в КПСС с 1941 года.

Отмеченные награды корпуса, а также и мои говорят за то, что я честно сражался за дело партии и Советского правительства.

В 1948 г. 18 сентября я был арестован органами МГБ. В 4 часа утра ко мне на квартиру явилось человек 5, предъявили ордер на арест, подписанный министром МГБ. 15 минут мне было дано на сборы, после чего я был направлен во внутреннюю тюрьму МГБ. Обыск на квартире производился без меня, а также и без моей жены, которая отсутствовала. Дочь мою 14-летнюю отправили к моей сестре. Таким образом, обыск производился при полном отсутствии хозяев. После соответствующей обработки в тюрьме я был вызван к зам. н-ка следственной части полковнику Лихачеву, который сразу мне заявил: «Помни, что ты теперь уже не генерал, а арестант, и разговоры с тобой будут коротки. Если ты вздумаешь запираться в своих показаниях, будем бить тебя, как «сидорову козу». На мои возражения о том, что МГБ мне звания не присваивало и не оно меня будет лишать, а применять избиения подследственных в Советском Союзе никому права не дано. На это полковник Лихачев заявил: «Этот вопрос согласован где надо, мы самостоятельно не избиваем». «Но позвольте,— я ему говорю,— я же только пока что подследственный и никем пока что не разжалован». «Иди сюда»,— и Лихачев подводит меня к окну, из которого видна улица. «Вон видишь там народ, вон где подследственные, а ты уже осужден, от нас на свободу возврата нет, дорога одна только в исправительные лагеря».

Таким образом, меня с первой встречи с представителем следственной части МГБ начали «подготавливать» к процессу следствия. Из кабинета Лихачева меня повели к министру МГБ Абакумову. Последний, очевидно, считал своей обязанностью прежде всего предупредить меня о том, что меня будут избивать, если я буду упорствовать во время хода следствия. Он прямо заявил: «Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь». «Но позвольте, как же так, в Советском Союзе не допускаются подобные методы ведения следствия, это напоминает «ежовщину». «Я тебе покажу «ежовщину», еще раз говорю, не будешь

давать показания, искалечим на всю жизнь и все равно добьемся от тебя нужных показаний». На этом «прием» был закончен и я, «подготовленный» таким методом министром МГБ и представителем следственной части Лихачевым, был направлен к следователю кап. Самарину. Следователь мне прямо заявил: «Ну, был у министра, предупредили тебя, так давай сразу приступим к делу, и я еще раз даю тебе совет, не упорствуй, чтоб не было хуже». «Я не знаю, в чем вы меня обвиняете, какие преступления я совершил?» «Брось, не упорствуй и начинай давать показания, нам все известно, рассказывай о своей антисоветской деятельности и своих сообщниках». «Я никогда не занимался никакой антисоветской деятельностью, а следовательно, у меня и не может быть никаких сообщников». «Врешь, нам все известно». «Ну, раз вам все известно, так начинайте допрос по тем фактам, какие вам известны, но я знаю, что у вас их нет, так как я не занимался антисоветской деятельностью».

Итак, на протяжении месяца я проводил бессонные ночи в кабинете следователя. Обычно вызывали на допрос часов в 10—12 дня и держали до 5—6 ч вечера, затем в 10—11 ч вечера до 5—6 ч утра, а подъем в тюрьме в 6 ч утра. Я понимал, что это тоже один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить то, что нужно следователю и причем так, как это ему нравится. Из бесед со следователем я понял, что меня обвиняют в участии в каком-то заговоре, во главе которого якобы стоит маршал Жуков.

Прошел месяц, я естественно ничего не мог показать, так как я ни в каком заговоре не принимал участия и никогда не верил, чтобы маршал Жуков был организатором несуществующего заговора, который, очевидно, мерещился министру МГБ Абакумову.

И вот однажды следователь заявил мне: «Или ты начнешь давать показания или я сегодня же отправлю тебя в военную тюрьму с особым режимом и ты потом пожалеешь». На это я заявил: «Я в вашей власти, делайте что хотите, но я никаких ложных показаний давать не буду».

В тот же день меня направили в Лефортовскую тюрьму, где и заключили в одиночную камеру. В этой тюрьме меня лишили возможности покупать продукты в тюремном ларьке, а также лишили книг. В течение этого месяца ежедневно следователь обещал «завтра» начать избиения.

Однажды меня снова направляют во внутреннюю тюрьму МГБ, где держат 8 дней в так называемом «боксе» без прогулок, без книг. На восьмой день я был вызван полк. Лихачевым, который заявил: «В последний раз предупреждаю тебя давать показания, или сегодня же тебя будут бить, как «сидорову козу». Естественно я мог одно заявить: «Я ничего не знаю».

В тот же день ночью меня перебрасывают в Лефортовскую тюрьму, и только что я прибыл в названную тюрьму, в так на-

зываемый «бокс», как меня повели к следователю. Следователь сразу набросился на меня с криками и матом, чтобы я давал показания или он начнет меня избивать и при этом вынимает из портфеля резиновую палку и показывает ее мне, говорит: «Видишь? Или начнешь говорить или же она сейчас «походит» по тебе». Я заявил: «Я не отказываюсь давать показания, но я не знаю, что вам показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нем не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь». Следователь задает вопрос: «Бывал на банкетах у Жукова и Буденного и др.?» — «Да, бывал». «Какие вопросы решались там?» — «О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пили, ели, веселились, вот и все». «Врешь, перестань упорствовать, нам все известно». «Если вам все известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами». «Я буду тебя уличать не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него»? «В чем же заключается мое восхваление Жукова? Я не знаю, где бы это воспрещалось участие на банкетах, причем официальных». «Все ваши банкеты это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю 10 минут на размышление, после чего эта резиновая палка «походит» по тебе». Я сидел у столика и ждал своей участи, следователь разгуливал по кабинету с резиновой палкой в руке. «Ну,— говорит следователь,— будешь давать показания»? — «Никаких ложных показаний я давать не буду». Следователь позвонил по телефону, на его звонок [явился] майор, как видно, тоже следователь. Капитан Самарин схватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил меня на пол. И началось зверское избиение резиновой палкой, причем били по очереди, один отдыхает, другой бьет, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в «бокс». На следующий день часов в 11—12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырех дней и днем и ночью. На пятый день меня вызвал зам. н-ка следственной части полковник Лихачев в присутствии следователя кап. Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачев, был: «Ну и после этого ты будешь упорствовать»? Я заявил: «Я ложных показаний давать не буду». «Ну, что же, начнем опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только «пешка» во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания». «Сколько бы вы меня ни били, я никаких ложных показаний давать не буду. Я категорически вам заявляю, что я ни в какой организации не состоял и ни о какой организации ничего не знаю. И никакими и никогда антисовет-

скими делами не занимался. Я только не понимаю, где я нахожусь — в МГБ или у врагов Советской Родины, которые, прикрываясь партийными билетами и авторитетностью МГБ, творят такие преступления. И сколько бы вы меня ни били, из меня вы врага Советской власти и партии не сделаете. Моя совесть чиста перед Партией и Советским правительством, я честно трижды сражался с врагами Партии и Советского правительства и никогда антисоветским человеком не был, каким вы пытаетесь меня сделать искусственно. Ваши избиения я принимаю не от Советской власти, это не она меня избивает, а люди, которые забыли, кто они, где находятся и что творят. Так что я не знаю, кто из нас враг Советской власти — вы или я»? Тут посыпалась такая рулада брани и оскорблений, что их трудно описать. Но как ни странно, в этот день меня все же не избили. Очевидно, им стало ясно мое состояние здоровья и они не решились избивать меня, хотя следователь Самарин предложил Лихачеву: «Видите, какой он, ему надо сейчас вложить так, чтобы он не очухался». Лихачев оказался более благоразумным и заявил: «Сегодня мне некогда возиться с этой сволочью, а завтра «вложим» ему, если он до утра не образумится».

В течение последующего месяца почти ежедневно следователь все время угрожал избиениями. За это время был составлен ряд протоколов и все они были составлены так, как считал нужным сам следователь. Примером могут служить следующие протоколы: на вопрос следователя «бывал ли у вас на квартире Жуков» — я ответил: «Да».— «О чем велись разговоры и в частности, что Жуков говорил о контрударе под Москвой?» — Я ответил: «Жуков не распространялся в подробностях об этом контрударе. Он сказал очень коротко. Вызвали к Верховному Главнокомандующему и сказали: вот задача, вот план, вот средства. Москву надо во что бы то ни стало удержать, вот и все». Из моего ответа у следователя в протоколе появилось (примерно): Жуков умалял достоинство Верховного Главнокомандующего. Принимать парад 1 мая 1947 г. был назначен маршал Жуков, а потом военный министр приказал в порядке очереди маршалам. Следователю были якобы известны какие-то высказывания Жукова по этому вопросу. Следователь настоятельно требовал от меня показаний по высказываниям. Я заявил, что я ничего не знаю, кроме того, что маршал Жуков перестал тренироваться в верховой езде. В протоколе следователя появилось совершенно другое. Будто бы Жуков выразил большое неудовольствие решением военного министра. На вопрос следователя: «Какие неудовольствия и высказывания сделал Жуков, когда вы ехали с совещания, которое было у командующего бронетанковыми войсками», я ответил, что я не слыхал никаких высказываний Жукова, кроме того, что он сказал: «Бронетанковые войска, артиллерия, инженерные войска выходят из подчинения Главнокомандующего

сухопутными войсками». В протоколе записано, что Жуков выразил большое неудовольствие решением военного министра.

На вопрос следователя, откуда я узнал об аресте некоторых генералов, я ответил: «От пом. к-ра корпуса генерал-майора Павлова». «Что ты сказал по этому поводу?» Я сказал: «Этих генералов я знаю, старые вояки и мне странно становится, за что их могли арестовать». В протоколе записано, что я этим самым отрицал свободу личности в Советском Союзе и это легло в основу моего обвинения по ст. 58—10 ч. 1.

Были также составлены протоколы, что я везде и всюду восхвалял Жукова и наконец, что я укрывал преступления Жукова, но какие преступления, я до сих пор не знаю. Вначале я категорически отказался подписать эти протоколы. Посыпались вновь различные репрессии и я, надо прямо сказать, смалодушничал. Уж очень тяжелое состояние у меня было.

Избитый, голодный, приниженный, бессонные ночи давали тоже себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплится надежда, что придет время и я смогу сказать правду, почему я подписал.

Вторым обвинением и причем это было уже к концу следствия, было присвоение трофейного имущества. В приговоре указано: «Будучи на территории Германии, присвоил себе много трофейного имущества в виде различных ценностей и т. д. (в точности не помню)». К моему делу была приобщена опись имущества, обнаруженного на квартире моей жены Крюковой-Руслановой, у которой действительно было много различных ценностей в виде золотых изделий с бриллиантами и другими дорогостоящими камнями, 110 полотен различных русских мастеров и, главным образом, бывших «передвижников». Была коллекционная мебель, много фарфора и, главным образом, бывших русских заводов и много другого имущества. На квартире моей жены все было ее собственное и никакого присвоенного трофейного имущества не было, кроме двух радиоприемников, принадлежащих мне. Все это было бы легко установить, если бы следственная часть МГБ вела следствие беспристрастно, так, как этого требуют наши законы. Все имущество Руслановой ею было приобретено значительно ранее Отечественной войны и моей женитьбы на ней. Все эти картины, фарфор, различные драгоценности и мебель находились в ее квартире десятки лет. Есть же живые свидетели в лице знакомых и друзей жены, а также и ее быв. муж Гаркави, которые могли бы подтвердить, что это имущество действительно принадлежало Руслановой, а не присвоено мною или Руслановой из числа трофейного имущества. В бытность мою в Германии и моей жены Руслановой мы после войны покупали целый ряд различных вещей, посуду, отрезы, разные безделушки и пр. и, кстати сказать, на каждую купленную вещь имелись счета, которые хранились на квартире (в деле счетов не оказалось), из которых видно, что это имущество не присвоено, а куп-

лено. Три автомашины, обнаруженные у меня, тоже значатся как присвоенные, а на самом деле нет. Одна машина марки «Хорьх» с тендом была подарена Верховным Главнокомандующим, на что имелись соответствующие документы. Вторая машина марки «Хорьх» лимузин — куплена мною с разрешения Главнокомандующего оккупационными войсками из числа сдающихся машин по репарациям. На покупку имелся счет от фирмы. По прибытии в Москву машины мною была внесена пошлина в Московской таможне. На все машины имелись соответствующие документы, из которых видно, что я их не присваивал. Не знаю для какой цели в акт обнаруженных вещей у меня на квартире в гор. Черняховске, где я жил, внесена вся мебель, которая фигурирует как присвоенная, в то время как вся эта мебель принадлежит гарнизонной КЭЧ. Кроме того, в акте значится как присвоенная даже служебная машина «Бюик» вып. 37 г.

Итак, целый ряд различных вещей и различного имущества как принадлежащего мне и моей жене Руслановой числится как присвоенное трофейное имущество.

Виновен ли я в присвоении трофейного имущества?

Да, виновен, но не такого количества, как это фигурирует в деле и уж ни в какой степени не виновна моя жена Русланова, которая никакого отношения к этому делу не имела.

Три с лишним года шло следствие, я не знаю, какими законами разрешено вести следствие такое время? Я арестован 18 сентября 1948 г., а суд состоялся в ноябре 1951 г.

В октябре 1951 г. я был вызван следователем для подписания 256 стр. и тут следователь меня начал «подготавливать» к беседе с прокурором. Свое «наставление» следователь начал так: «Ну вот, дело, наконец, закончено, не исключена возможность, что с вами (началось обращение на «Вы») будет беседовать прокурор. Должен вас предупредить, что если вы начнете отказываться от ваших показаний и вообще начнете разговоры о ходе следствия' (хотя ему надо было прямо сказать — об избиениях, об издевательствах и пр.), вы только себе напортите. Опять начнем следствие, протянется год, другой. Опять отправлю вас в Лефортовскую тюрьму, а там начнем все сначала да так, что будет покрепче, чем в первый раз. Так что от вас самих зависит ваша участь и т. д. и т. п.». Короче говоря, начал опять с запугивания, как и в начале следствия. Мне ничего не оставалось делать как последовать «совету» следователя и на беседе с прокурором я ни словом не обмолвился о «методах» ведения следствия и признал себя виновным по всем пунктам. У меня еще оставалась надежда на суд, что я там добьюсь правды. Но перед судом я снова был вызван следователем, который опять мне дал «совет» как себя держать на суде, предупредив меня, что если я откажусь от ранее данных мною показаний и заявлю суду об избиениях, это только усугубит мою вину и что меня тогда сгноят в тюрьме, а тут перспектива поехать в лагерь, а в лагерях жить можно. «По-

мните одно,— говорит следователь,— ваша участь решена безвозвратно и ничего вам не поможет. Всем вашим заявлениям никто не поверит. И еще советую вам, когда попадете в лагерь, не вздумайте писать жалобы. Помните одно, куда бы вы ни писали, все попадет ко мне и дальше моего стола никуда не попадет, а вас мы за это «запрячем» в такой лагерь, откуда никакой связи с миром нет, где вы и закончите свое существование». Напутствуемый такими «советами» следователя, я на суде признал себя виновным по всем пунктам. Как видно, быв. министру МГБ Абакумову мерещился какой-то заговор, но когда не смогли «сфабриковать» несуществующий заговор, «приобщили» меня да и других военнослужащих, проходящих по этому делу и другим делам, и судили каждого в отдельности, чтобы запрятать нас надолго в лагеря, а этим самым скрыть все свои преступления в нарушении законности советского правосудия. Я никогда не был и никогда не буду антисоветским человеком, каким сделала меня в своих делах следственная часть МГБ. Я честно прослужил 30 лет в Советской Армии и трижды (гражданская война, война с финнами, Великая Отечественная война) самоотверженно сражался на поле брани с врагами Партии и Сов. Правительства и совесть моя в этом отношении чиста. Где же, как не на поле брани можно проверить преданность Партии и Советскому Правительству.

Виновен ли я в присвоении трофейного имущества?

Да, виновен, но не в том количестве, которое мне приписали. И уж, конечно, я категорически отвергаю присвоение различных ценностей (золото, бриллианты и пр.), которое приписывают мне и моей жене. Я подхожу строго к себе. Дело не в том, в каком количестве я присвоил трофейное имущество, дело в самом факте присвоения. Не к лицу коммунисту и советскому генералу заниматься подобными делами и этим самым позорить и то и другое. Я заслужил наказание, но за эти «тряпки», какие, как говорят, и «выеденного яйца не стоят», меня лишили доверия Партии и Правительства, лишили свободы на 25 лет (а это значит пожизненно, ибо мне уже 56 лет). Меня лишили семьи, звания и наград, кровью заработанных на поле брани. И я не верю, что это меня покарали Партия и Советская власть. Это сделали враги Партии и Советского Правительства.

Если взять мое дело и просмотреть его, то там все, очевидно, оформлено так, что с юридической стороны никаких претензий не предъявишь, но какими методами «оформлялось» это дело Вам теперь будет ясно.

Я верил в то, что придет время, когда правда восторжествует и методы ведения следствия в быв. МГБ будут Партией и Советской властью вскрыты. Это время настало и я решил теперь смело писать, зная, что мое заявление попадет по назначению, а не в папку следователя капитана Самарина.

Я прошу ЦК КПСС назначить комиссию по пересмотру как моего дела, так и дела моей жены Руслановой.

О принятом решении прошу поставить меня в известность по адресу: «Иркутская обл., г. Тайшет, п/я № 215/603».

З/к Крюков

25 апреля 1953 г.

Копия

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ОБОРОНЫ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
тов. ЖУКОВУ

Прошу прощения, что я отрываю Вас от Ваших дел своим письмом, но мое положение вынуждает меня к этому.

Я направил 28.IV.53 г. по команде (через начальника лагеря) заявление в ЦК КПСС, но боюсь, что оно может по дороге «потеряться», а поэтому копию этого заявления направляю Вам с просьбой передать его в ЦК.

Прошу Вас, наберитесь терпения и прочтите его, и тогда Вам станет ясно, какой я «преступник». И, если сможете, окажите посильную помощь в деле моем и помогите восторжествовать правде.

Уважающий Вас — Крюков

4.V.53 г.

ЦК КПСС товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

Г. Жуков

2 июня 1953 года

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

В ЦК КПСС прислал заявление бывший генерал-лейтенант Крюков В. В., осужденный в 1951 году. Такое же заявление он прислал маршалу Жукову с просьбой передать его в ЦК КПСС.

В своем заявлении Крюков пишет о том, что следствие шло три с лишним года и проводилось недопустимыми методами с применением мер физического воздействия. Он просит пересмотреть его дело, а также дело его жены Руслановой.

Посылаю Вам заявление Крюкова. По этому вопросу необходимо обменяться мнениями. Следовало бы проверить и пересмотреть это дело.

Н. Хрущев

3 июня 1953 г.

Разослано:

т. Маленкову Г. М.
т. Берия Л. П.
т. Молотову В. М.
т. Ворошилову К. Е.
т. Булганину Н. А.
т. Кагановичу Л. М.
т. Микояну А. И.
т. Сабурову М. З.
т. Первухину М. Г.

8 Зак. 4414

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

«7» сентября 1959 г.

№ 2668-ш

гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта КРЮКОВА жена последнего, известная певица *Русланова*, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. *Буденный С. М.* и *Жуков Г. К.*

В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. *Жуков* по этому вопросу заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Далее он сказал, что тов. *Малиновский* предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии *Голикову*, а последний разваливает армию.

«В газете «Красная звезда»,— продолжал *Жуков*,— изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания *Жукова* по этому вопросу были поддержаны тов. *Буденным*.

По имеющимся в КГБ при Совете Министров СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Наряду с этим со стороны отдельных военнослужащих отмечаются факты нездорового реагирования на изменения в пенсионном обеспечении.

Так, начальник штаба 1-го армейского корпуса Туркестанского военного округа полковник ПАНИН И. Д., член КПСС, в присутствии ряда офицеров заявил:

«Постановление неправильное, вся армия разбежится. Никто из офицеров служить не будет».

Командир взвода 987-го батальона связи 25-го армейского корпуса Одесского военного округа лейтенант БАРАНОВ Г. А., член ВЛКСМ, говорил:

«Теперь чем раньше уволиться из армии, тем лучше. Служить я не хочу и никто меня не убедит».

БАРАНОВ подал рапорт на имя командования об увольнении его из рядов Советской Армии.

Офицер Минского Высшего инженерного радиотехнического училища полковник ПОЗДЕЕВ В. К., член КПСС, сказал:

«Нет смысла служить в армии, надо демобилизоваться, пока есть сила и устраиваться на гражданской работе, так как рабочие и служащие находятся намного в лучших условиях, чем военные».

Командир роты 145 ГСД Закавказского военного округа капитан КУЛАКОВ заявил:

«Согласно новому приказу пенсиями будут обеспечиваться только офицеры после 40-летнего возраста. Но дослужить до этого возраста не дадут. Поэтому, пока голова цела, надо уходить из армии».

Начальник отдела учета укомплектования и численности Вооруженных Сил полковник КУЗЬМИН А. К. говорил:

«Нет теперь нашего основного защитника военных — И. Сталина, который нас в обиду не давал».

Начальник 6-го отдела КЭУ МО инженер-полковник ВАЛЬКОВ, член КПСС, сказал:

«В Египте плотину строим, Ирану помогаем, а у себя ремни подтягиваем. Кто обжирается, а кому теперь жрать нечего будет».

Начальник вещевого отделения АХО штаба Московского округа ПВО майор ФЛЕГОНТОВ И. А., член КПСС, обсуждая пенсионный вопрос, говорил:

«... Наш советский офицер и так мало получает при уходе на пенсию, прослужив 20 и 25 лет в армии. По новому приказу будет получать еще меньше, что озлобит людей и создаст много нездоровых настроений, которые могут привести к значительному снижению боевой готовности армии. Цены на продукты и промтовары не снижаются, а пенсии уменьшают очень резко...».

Начальник штаба артиллерии 50-й мотострелковой дивизии подполковник КОВИЦКИЙ Александр Павлович, член КПСС, сказал:

«...Правительству не к лицу так часто менять законы, у людей нет никакой уверенности в завтрашнем дне».

Командир роты парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии Белорусского военного округа капитан БАЖЕНОВ А. Н., член КПСС, обсуждая новое Постановление, в присутствии ряда офицеров заявил:

«...Товарищи офицеры, это дело серьезное, надо поднимать забастовку, ведь наши права ущемляют. Надо письмами и рапортами завалить ЦК с просьбой об увольнении из армии, надо удирать из армии...».

Офицер этого же полка майор ЛЫЧЕВ предложил:

«...написать всем рапорта на увольнение и письма с выражением обиды офицеров на новое Постановление и во время дивизионных учений при прыжке с самолетов всем офицерам бросить это в конвертах с воздуха...»

Отмечаются нездоровые настроения среди молодых офицеров.

Командир радиовзвода 192-й авиационной дивизии ст. лейтенант РОЩЕПКИН В. Н. заявил:

«Молодым офицерам лучше уйти из армии и устроиться в народном хозяйстве, там хотя квартиру могут дать, а здесь ни кола, ни двора не имеешь. Пока ты нужен, тебя держат, не нужен — выталкивают на все четыре стороны и иди, хоть в банду, никто не думает о ненужном человеке».

Командир взвода 104-й воздушно-десантной дивизии ст. лейтенант ЛОСКУТОВ П. П., член КПСС, сказал:

«Наше Правительство этим Постановлением обмануло нас так же, как народ с облигациями. Можно ли верить, что и в дальнейшем еще не изменят пенсий?»

Отрицательные реагирования на новый закон отмечаются также со стороны отдельных офицеров в отставке и запасе.

Так, например, полковник запаса ДИКОВ П. А., член КПСС (Белорусский военный округ), заявил:

«...Издание Постановления об изменениях пенсий есть не что иное, как финансовое банкротство Советского государства, что вторично подтверждается после отмены возвращения рабочему классу средств по займу. У нас что хотят, то и делают, в любом капиталистическом государстве этого не допустили бы».

Полковник запаса МОРОЗОВ, быв. зам. начальника политотдела Инженерной академии, по поводу вышедшего Постановления Совета Министров СССР о пенсиях сказал:

«...Всю жизнь служил в армии, а теперь должен помогать детям и детсадам... Сейчас приравнивают всех к одной мерке — и тех, кто воевал, и тех, кто торговал газированной водой».

Бывший заместитель командующего армией по тылу полковник в отставке КРЫЛОВ говорил:

«Возмутительно, что так ущемляют военнослужащих. Теперь в армию пойдут случайные люди. Умных и толковых людей на военную службу не заманишь. Был бы у меня сын, я бы его послал лучше на завод, чем в военную школу».

Полковник запаса БАБКИН (Белорусский военный округ) сказал:

«Плохо, что у нас нет постоянства, законы меняются и это вызывает неуверенность».

По всем изложенным фактам особыми отделами КГБ информированы на местах первые секретари ЦК КП союзных республик, секретари крайкомов, обкомов и Военные Советы округов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
А. ШЕЛЕПИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! **СТРОГО СЕКРЕТНО**

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П238/XVI

Тт. КИРИЧЕНКО, БРЕЖНЕВУ, СУСЛОВУ;
СЕКРЕТАРИАТУ ЦК КПСС

Выписка из протокола № 238 заседания Президиума ЦК
от 11 сентября 1959 г.

Записка КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г. № 2668-ш.

Поручить Секретариату ЦК в соответствии с обменом мнениями на заседании Президиума ЦК принять необходимые меры в связи с фактами, изложенными в записке КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г. № 2668-ш.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В ЦК КПСС

На поставленные мне тт. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, что был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моем присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих?

Отвечаю. 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ).

2. Жукова я видел всего минут 5—10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошел к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжелую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков.

При этой встрече маршал Жуков ни о чем подобном не говорил.

С. Буденный

18.9.59 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Комитету Партийного Контроля при ЦК КПСС стало известно, что во время похорон генерал-лейтенанта Крюкова во 2-м доме Министерства обороны СССР, между маршалом Советского Союза т. Жуковым Г. К. и генерал-майором запаса т. Ревякиным В. А. зашел нездоровый, принявший политически вредный характер разговор о постановлении Совета Министров СССР от 27 июля 1959 г. о пенсиях военнослужащим и их семьям.

По объяснению в КПК т. Жукова, вопрос о сокращении пенсий поднял т. Ревякин, который обратился к нему с заявлением, что «обижать нас, стариков, стали, и теперь тяжеловато будет с новой пенсией». Продолжая разговор, т. Ревякин заявил т. Жукову, что среди отставников и запасников ведется много нежелательных разговоров и что «в снижении пенсий обвиняют Малиновского».

Однако т. Жуков, как старший по званию и тем более как бывший министр обороны СССР, не разъяснил т. Ревякину весь вред подобного его политически нездорового поведения и, зная, что т. Ревякин обеспечен в материальном отношении более чем достаточно, не дал ему отпора и не сделал из всего этого необходимых выводов. Он даже поддержал этот непартийный разговор, направленный, с одной стороны, против мероприятий партии и правительства по упорядочению пенсионного дела, и, с другой — на дискредитацию нового руководства Министерства обороны СССР.

В своем объяснении в КПК т. Ревякин по этому вопросу так и заявил: «Слушая мое мнение, т. Жуков сказал, что когда разбирался вопрос еще о первом снижении пенсии, то имелось в виду первое снижение сохранить на более длительное время. Я тут же сказал, что видимо министр, маршал Малиновский, недостаточно твердо отстаивал перед Правительством сохранить еще на некоторое время существующие пенсии. На этом разговор о пенсиях кончился».

Вопрос о неправильном поведении члена КПСС с 1918 г. т. Ревякина В. А. и члена КПСС с 1919 г. т. Жукова Г. К. обсужден на заседании КПК в их присутствии.

В своем объяснении т. Жуков дал правильную оценку своему поведению, заявил, что вначале он не придал разговору с Ревякиным должного значения и что в настоящее время сделал для

себя необходимые выводы. Не отрицал своего неправильного поведения и т. Ревякин.

Учитывая все это, Комитет Партийного Контроля решил ограничиться обсуждением этого вопроса.

Шверник

27.11.59 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

«27» мая 1963 г.

№ 1447-с

гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Докладываю Вам некоторые сведения, полученные в последнее время о настроениях *бывшего Министра обороны Жукова Г. К.*

В беседах с бывшими сослуживцами *Жуков* во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности *Министра обороны*, и допускает резкие выпады по адресу отдельных членов Президиума ЦК:

«Все это дело можно было по-другому отрегулировать,— говорил *Жуков*,— если бы я мог низко склониться, но я не могу кланяться. А потом, почему я должен кланяться? Я ни в чем не чувствую вины, чтобы кланяться. Все это приписано было конечно с известной целью...».

В разговоре с одним из своих сослуживцев по армии *Жуков* следующим образом отозвался о *Малиновском Р. Я.*:

«...Это хитрый человек, он умеет подхалимничать. Он никогда против слова не скажет. «Слушаю». «Есть». Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны...».

В беседе с генерал-майором в запасе КАРМАНОВЫМ И. М. *Жуков* заявил:

«У нас... неразумно купеческий размах в отношении помощи. В космическое пространство вылетают миллиарды. На полет Гагарина израсходовали около *4* миллиардов рублей. Никто ни разу не задал вопроса, во что обходятся все эти приемы, все эти поездки, приезды к нам гостей и прочее... Жене БИДО сделали соболью шубу, я видел. Жене другого члена делегации был подарен бриллиантовый набор, в котором находилась бриллиантовая брошь в 12 карат... Это все сейчас доходит до широких масс людей... У СТАЛИНА было много нехороших черт, но в небережливости государственной копейки его никто не может упрекнуть. Приемов он не так много сделал, подарки он никому не давал, кроме своего автографа на книге...».

В другой беседе по поводу издания «Истории Великой Отечественной войны» *Жуков* говорил:

«...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот История Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая.

Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин! ...У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии.

Эта не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать... А самое главное умалчивается. Он же был Членом Военного Совета Юго-Западного направления. Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с ТИМОШЕНКО драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены Юго-Западный фронт, Южный фронт. Это была достаточная сила... Я не знаю, когда это сможет получить освещение, но я пишу все как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи 3—4 страниц напишу, а потом можно отредактировать...».

По имеющимся у нас данным, *Жуков* собирается вместе с семьей осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В. СЕМИЧАСТНЫЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П100/XLVIII

Тт. СУСЛОВУ, БРЕЖНЕВУ, ШВЕРНИКУ, СЕРДЮКУ

Выписка из протокола № 100 заседания Президиума ЦК от 7 июня 1963 г.

Записка Комитета госбезопасности (т. Семичастного) от 27 мая 1963 г. № 1447 с.

Поручить тт. Брежневу, Швернику и Сердюку вызов в ЦК Жукова Г. К. для предупредительного разговора с ним в соответствии с состоявшимся обменом мнениями на заседании Президиума ЦК.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В соответствии с поручением я и тов. Сердюк вызывали Жукова и провели необходимую беседу.

Л. Брежнев. 12.06.63.

Совершенно секретно

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

«17» июня 1963 г.

№ 1651-с

гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Докладываю Вам, что после беседы товарищей БРЕЖНЕВА Л. И. и СЕРДЮКА З. Т. с *Жуковым*, он рассказал своей жене следующее:

«Мы вызвали вас для того, чтобы поговорить с вами и предупредить вас о некоторых вещах. У вас бывают всякие друзья, и вы бываете у друзей. Мы, конечно, не против того, что вы с кем-то встречаетесь, но вот при встречах у вас ведутся непартийные разговоры. Вы рассказывали, как готовился Пленум в 57-м году и при этом давали весьма нелестные характеристики Хрущеву, Брежневу и другим членам ЦК. Значит, у вас до сих пор нет согласия с решением ЦК, и вы где-то нелегально пытаетесь вести борьбу с линией Центрального Комитета. Если это так, то это дело довольно серьезное.

Второй вопрос, что ведутся непартийные разговоры в отношении космоса. Что правительство ведет неразумную политику в отношении чрезмерных затрат на ракеты, чтобы Гагарин полетел, эта ракета стоила 4 миллиарда рублей. Что вообще у нас нет бережливости, руководство с купеческим размахом разбрасывает средства на помощь слаборазвитым странам. Что устраивают всякие приемы, по нескольку тысяч людей созывают, всякие подарки дорогие раздают и прочее. Что, мол, при Сталине было по-другому. Все осудили Сталина, его оторванность от народа и прочее. В то время, как весь народ, вся партия радуются нашим достижениям в отношении космоса, у вас получается несогласие с линией партии в этом вопросе.

Третье. Вы продолжаете разговор о Малиновском, что это весьма подходящая и послушная личность для руководства, что он угодник, подхалим и всякая такая штука. Малиновский пользуется доверием ЦК. Он член ЦК, министр, пользуется доверием Н. С. Хрущева и что такие непартийные разговоры подрывают авторитет ЦК.

Четвертый вопрос. Что у нас неправильно пишется история Великой Отечественной войны, что она лакируется, что пишется она в интересах определенных людей, что умалчиваются заслуги

одних и выпирают заслуги тех, кто не заслужил их. Особенно подчеркиваете, кто привел немцев на Волгу. Кто неудачно руководил операцией. И что немецкие генералы пишут историю гораздо правдивее, чем пишут наши, комиссия ЦК. Затем, что я не согласен с оценкой помощи, которую оказывали американцы. В отношении, дескать, транспортных средств, металла и прочего. В то время, мол, каждому ясно, какие жертвы понесли мы и какие американцы.

Шестой вопрос. Что мы вас вызвали поговорить по-товарищески, что эти вещи недопустимы и что если они будут продолжаться, то мы вынуждены будем поставить вопрос на Президиуме ЦК о суровой партийной ответственности.

Я сказал, что постановление 1957 года я принял как коммунист и считал для себя законом это решение. И не было случая, чтобы я его где-то в какой-то степени критиковал. Я хорошо знаю Устав партии и нигде никогда не говорю за исключением того, что я лично до сих пор считаю, и это тяжелым камнем лежит у меня на сердце. Я не могу смириться с той формулировкой, которая была в постановлении. Постановление было принято без меня, и я не имел возможности доказать обратное, это вопрос об авантюризме. Где же и когда был авантюристом? В каких делах я был авантюристом? Я, 43 года находясь в партии, отвоевав четыре войны, потерял все здоровье ради Родины, я где-нибудь позволял какие-нибудь авантюрные вещи? Где факты? Фактов таких нет. И, откровенно говоря, эта неправдивая оценка до сих пор лежит тяжелым камнем у меня на сердце. Я вам прямо об этом и заявляю.

Относительно оценки, критики Пленума сказал, что я никаких разговоров не вел. Пусть придет этот человек и заявит здесь в моем присутствии. Я даю голову на отсечение, что я таких разговоров не вел, я вообще никуда не хожу, ни с кем не встречаюсь. Мало ли меня приглашали люди зайти побеседовать, но я чувствую, что моей особой интересуются, видимо, хотят что-то узнать, послушать, поэтому я избегаю всяких встреч и нигде не бываю, за исключением Карманова — соседа по даче, еще там пара человек, полковник один с женой, человека четыре у меня знакомых и больше никого нет. Я нигде не бываю, вообще ушел от мира сего и живу в одиночестве, так как чувствую, что меня на каждом шагу могут спровоцировать... Месяца три спустя после Пленума я встретил Конева. Он спросил, почему я не захожу? Я ответил: «Чего мне заходить, я нахожусь в отставке». Он поговорил как, что, а потом заявил: «Ты все-таки наш старый товарищ, почему не зайдешь поговорить?» Я говорю: «Какой же старый товарищ, когда ты всенародно там сказал, что я никакой тебе не товарищ и не друг».— «Ну тогда мало ли что было, знаешь какая обстановка была. Тогда нам всем казалось, что дело пахнет серьезным»...

Относительно истории Отечественной войны. Это, говорю,

разговор в пользу бедных, я по этому вопросу ни с кем не разговаривал. Может быть, в какой-то степени разговор был, но его переиначили. И преподнесли именно так, как говорится здесь. Относительно того, кто привел немцев на Волгу. Персонально никто не может привести, вы же сами понимаете.

Что касается немецких генералов, как они пишут, правдиво или нет. Вы можете посмотреть мои заметки на книгах, которые я прочитал, а их очень много. Я считаю, что более неправдивой истории, чем написали немецкие генералы, я никогда не встречал, не читал. У меня такие заметки, правда, имеются. Так что это, говорю, вещь, безусловно, натянутая. Видимо, человек, который об этом говорил или сообщал, он передает свое собственное мнение и приписывает мне. Насчет американской помощи то же самое. Я, говорю, много выступал, много писал статей, в свое время выступал публично и давал соответствующую оценку американской помощи и жертв во второй мировой войне. Так что это то же самое натянутая откуда-то вещь.

Относительно Малиновского я вам прямо скажу, я эту личность не уважаю. Как человека я его не уважаю. Это мое личное дело. Мне никто не может навязать, чтобы я его уважал, чтобы я ему симпатизировал. Что касается вот этих разговоров относительно Малиновского. В свое время, как известно, его старая жена написала весьма такое тревожное письмо, и мне было поручено вести следствие, я его вызвал с Дальнего Востока и расследовал. Этот материал был передан министру обороны Булганину. Где эти материалы, не знаю. О чем там сообщалось? О том, что Малиновский вопреки тому, чтобы вернуться на Родину, задержался во Франции в Марокканских частях, якобы поступил туда добровольно служить до 20-го года. И тогда, когда уже разгромили Колчака, он почему-то через Дальний Восток, через линию фронта Колчака поступил добровольцем в Красную Армию.

Эти вещи достаточно известны были в Главном Управлении кадров. Щаденко об этом говорил. И Сталин не доверял Малиновскому. Он в свое время был у меня начальником штаба. Я его просил на Холхин-Гол к себе, но мне было отказано по политическим соображениям, что он не может быть назначен. Какой же это человек? Пользуясь присутствием Хрущева на Дальнем Востоке, он позволил в отношении меня провокационные вещи. Говорил: «Вы смотрите там за *Жуковым*. Он вас всех там за горло возьмет». Разве я могу уважать этого человека, который так провокационно такую вещь позволил по отношению ко мне? А потом выступает с трибуны съезда и ему вторит Голиков, что это, мол, Бонапарт, это Наполеон, который стремился к захвату власти сначала в армии, потом в стране. Если я стремился, если у меня были какие-то акты в этом отношении, какие-то акции, тогда почему же меня не арестовали? Если действительно какие-то организационные начала в этом деле были за-

ложены. Ясно, что я не только его не уважаю, я ему не доверяю. Это мое личное дело».

На все это ему якобы было сказано: «...Мы же не сами выдумали. Может быть, что-то прибавлено лишнее, но какие-то разговоры были, значит, что-то такое есть. Мы вас обвиняем в том, что вы как коммунист должны были пресечь, резко оборвать этих людей и не допускать разговоров. Тогда обошлось так, вас оставили в партии, создали вам соответствующие условия, и сейчас видите, мы с вами разговариваем не в порядке какого-нибудь такого, а в порядке предупреждения».

На это, по его словам, он ответил: «Я говорю, что не боюсь, пожалуйста. Понимаю, что моей личностью многие интересуются, знают, что я много знаю, поэтому каждый старается где-то слово какое-то услышать. Я это совершенно отчетливо понимаю, поэтому я больше всего боюсь провокаций и всяких сочинительств. Можете, говорю, в партийной организации завода справиться. Никогда там никаких разговоров не велось, несмотря на то, что со мной пытались многие заговорить. Я уклонялся от ответа, или давал такие ответы, какие полагается. Но вот что касается вашего вызова, вашего разговора, то я считаю, что он, безусловно, полезен. Во всяком случае он заставляет меня присмотреться к людям, к моим товарищам, которые меня окружают. Я вам весьма благодарен за то, что вы меня пригласили. У меня спросили: «Значит, вы довольны, что мы вас вызвали»? Я говорю: «У меня нет оснований быть недовольным». Они добивались признания, доволен я или нет, как я реагирую. Я сказал, что я весьма признателен.

Якобы беседовавшие заявили: «Вот видите, мы достаточно чутко и уважительно к вам относимся».

Я говорю: «Спасибо за такую чуткость и за такое уважение». Но потом я говорю: «Вот я пять-шесть лет по существу ничего не делаю, но ведь я еще работоспособный человек». Это я в порядке разведки. «Я физически, слава богу, чувствую себя хорошо и умственно до сих пор чувствую, что еще не рехнулся и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте. Я готов за Родину служить на любом посту».

Мне было сказано: «Да, но это будет зависеть от вашего дальнейшего поведения».

Я говорю: «Поведение у меня всегда партийное, но вот видите, тут не совсем хорошо получается. А потом, почему меня, собственно, отбросили, я не понимаю. Я Родине отдал почти всю жизнь. Меня даже лишили возможности работать в этой группе».

«Я читаю и пишу. Я могу показать то, что я пишу. Ничего плохого я не пишу. Передайте, говорю, привет Никите Сергеевичу, поблагодарите его за внимание».

На вопрос жены: «Но они дружелюбно к тебе относились? Как

ты понял?» — *Жуков* заявил: «Нет, ничего. А Сердюк особенно хорош. Я бы сказал разговор велся правильно. К ним поступили материалы, они обязаны были разобраться, в чем дело, почему вдруг такие разговоры с моей стороны. Им надо было выяснить лично у меня».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В. СЕМИЧАСТНЫЙ

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

товарищу ЖДАНОВУ Андрею Александровичу.

Объявленное мне в ЦК ВКП(б) письменное заявление бывшего моего адъютанта Семочкина по своему замыслу и главным вопросам является явно клеветническим.

Первое. Обвинение меня в том, что я был враждебно настроен к т. Сталину и в ряде случаев принижал и умалчивал роль т. Сталина в Великой Отечественной войне — не соответствует действительности и является вымыслом. Факты, изложенные в заявлении Семочкина, состряпаны Семочкиным и являются результатом того, что Семочкин в конце 1947 года узнал о характере клеветнического заявления Новикова лично от меня.

Я признаю, что допустил грубую и глубоко непартийную ошибку, поделившись с Семочкиным своим мнением о характере заявления Новикова. Это я сделал без всякой задней мысли и не преследовал никакой цели.

Пункт обвинения меня в непартийном выступлении во Франкфурте перед «союзниками» не соответствует действительности, что, наверное, может подтвердить т. Вышинский, который был вместе со мною и лично выступал. На приеме в 82-й парашютной дивизии я был вместе с Соколовским, Серовым и Семеновым. Я там не выступал, а все, что говорил, считаю глубоко партийным.

Второе. Обвинение меня в том, что я продал машину артисту Михайлову и подарил писателю Славину — не соответствует действительности:

1) Славину машина была дана по приказанию т. Молотова. Соответствующее отношение было при деле;

2) Михайлову мною было разрешено купить машину через фондовый отдел. Оформлял это дело т. Михайлов через таможню, а не через меня, деньги платил в таможню и банк, а не мне.

Я ответственно заявляю, что никогда и никому я машин не продавал.

Ни Славина, ни кого-либо другого я никогда не просил о себе что-либо писать, и Славину никакой книги не заказывал. Семочкин пишет явную ложь.

Третье. О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей.

Я признаю серьезной ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, за который платил

деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

1) на пальто норки 160 шт.,

2) на пальто обезьяны 40—50 шт.,

3) на пальто котика (искусств.) 50—60 шт., и еще что-то, не помню, для детей. За все это я заплатил 30 тысяч марок.

Метров 500—600 было куплено фланели и обойного шелку для обивки мебели и различных штор, т. к. дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования.

Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче.

Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4-х тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактическому состоянию. Я считаю это неверным.

Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался. 4 люстры были переданы в МГБ комендантом, 3 люстры даны на оборудование кабинета Главкома. То же самое и с коврами. Ковры частично были использованы для служебных кабинетов, для дачи, часть для квартиры.

Я считал, что все это поступает в фонд МГБ, т. к. дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это в расчет, т. к. я полтора года отсутствую и моя вина, что я не поинтересовался, где, что состоит на учете.

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное — это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова — Светланой. Остальные вещи в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности.

О сервизах. Эти сервизы я купил за 9.200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы и может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, т. к. он ведал всеми экономическими вопросами.

О 50 тысячах, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды.

Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тысяч возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если б я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, т. к. никто за них отчета не должен был

спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он и указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне требуется.

Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова.

Все это валялось в кладовой и я не думал на этом строить свое какое-то накопление.

Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушел из команды, не сдав их.

Четвертое. Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным — является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю.

Пятое. Охотничьи ружья. 6—7 штук у меня было до войны, 5—6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. Из всех ружей охотилась команда, часть штуцеров, присланных в подарок, я собирался передать куда-либо. Признаю вину в том, что зря я держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому, что, как охотнику, было жаль передавать хорошие ружья.

Шестое. Обвинение меня в распущенности является ложной клеветой, и она нужна была Семочкину для того, чтобы больше выслужиться и показать себя раскаявшимся, а меня — грязным. Я подтверждаю один факт — это мое близкое отношение к З-вой, которая всю войну честно и добросовестно несла свою службу в команде охраны и поезде Главкома. З-ва получала медали и ордена на равных основаниях со всей командой охраны, получала не от меня, а от командования того фронта, который мною обслуживался по указанию Ставки. Вполне сознаю, что я также виноват и в том, что с нею был связан, и в том, что она длительное время жила со мною. То, что показывает Семочкин, является ложью. Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах, о которых так бессовестно врет Семочкин.

К-ва действительно была арестована на Западном фронте, но она была всего лишь 6 дней на фронте, и честно заявляю, что у меня не было никакой связи.

Седьмое. О том, что не желал подписываться на заем,— это также клевета. Никогда меньше 1,5—2-месячного оклада я не подписывался. Это можно подтвердить документами.

Восьмое. Партвзносы действительно платил Семочкин, так

как я состоял в парторганизации Генштаба, а большей частью я был на фронте, и чтобы не просрочить партвзнос, я поручал Семочкину производить партвзнос.

В заключение я заявляю со всей ответственностью:

1. Семочкин явно клевещет на меня. Я очень прошу проверить, был ли у меня подобный разговор с Коневым и другими, как надо обманывать т. Сталина, рассказывая об обстановке.

2. Семочкин клевещет на меня, рассчитывая на то, что он является вторым, после Новикова, свидетелем о якобы моих антисоветских взглядах, и что ему наверняка поверят.

Я глубоко сознаю свою ошибку в том, что поделился с ним сведениями о клеветническом заявлении Новикова и дал ему в руки козырь для нечестных разговоров, антисоветских разговоров и, наконец, против меня.

3. Прошу Центральный Комитет партии учесть то, что некоторые ошибки во время войны я наделал без злого умысла и я на деле никогда не был плохим слугою партии, Родине и великому Сталину.

Я всегда честно и добросовестно выполнял все поручения т. Сталина.

Я даю крепкую клятву большевика — не допускать подобных ошибок и глупостей.

Я уверен, что я еще нужен буду Родине, великому вождю т. Сталину и партии.

Прошу оставить меня в партии. Я исправлю допущенные ошибки и не позволю замарать высокое звание члена Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Член ВКП(б) ЖУКОВ.

12.1.48 г.

Тов. ЖДАНОВУ.

В связи с заявлением Жукова от 13 января с. г. считаю нужным сообщить следующее:

1. По моему указанию, в порядке распоряжения Совнаркома СССР от 23 августа 1945 года, была выдана одна трофейная легковая автомашина писателю Славину в возмещение автомашины, похищенной у него в начале войны (в этот же день было дано аналогичное распоряжение для писателей Кирсанова и Лидина и др.).

2. Мною выяснено, что моею дочерью Светланой в 1945 году был сделан один ценный подарок ко дню рождения подруги — дочери Жукова — золотое кольцо с бриллиантом, купленное в комиссионном магазине за 1.200 рублей. Остальные подарки в аналогичных случаях — неценные безделушки.

В. Молотов

21/I.48 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982) — в то время занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно с июня 1963 г.— секретарь ЦК КПСС.

Суслов Михаил Андреевич (1902—1982) — член Президиума ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР.

Шверник Николай Михайлович (1888—1970) — Председатель Партийной комиссии при ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС.